

МОСКОВСКОЙ
ЖУРНАЛЪ.

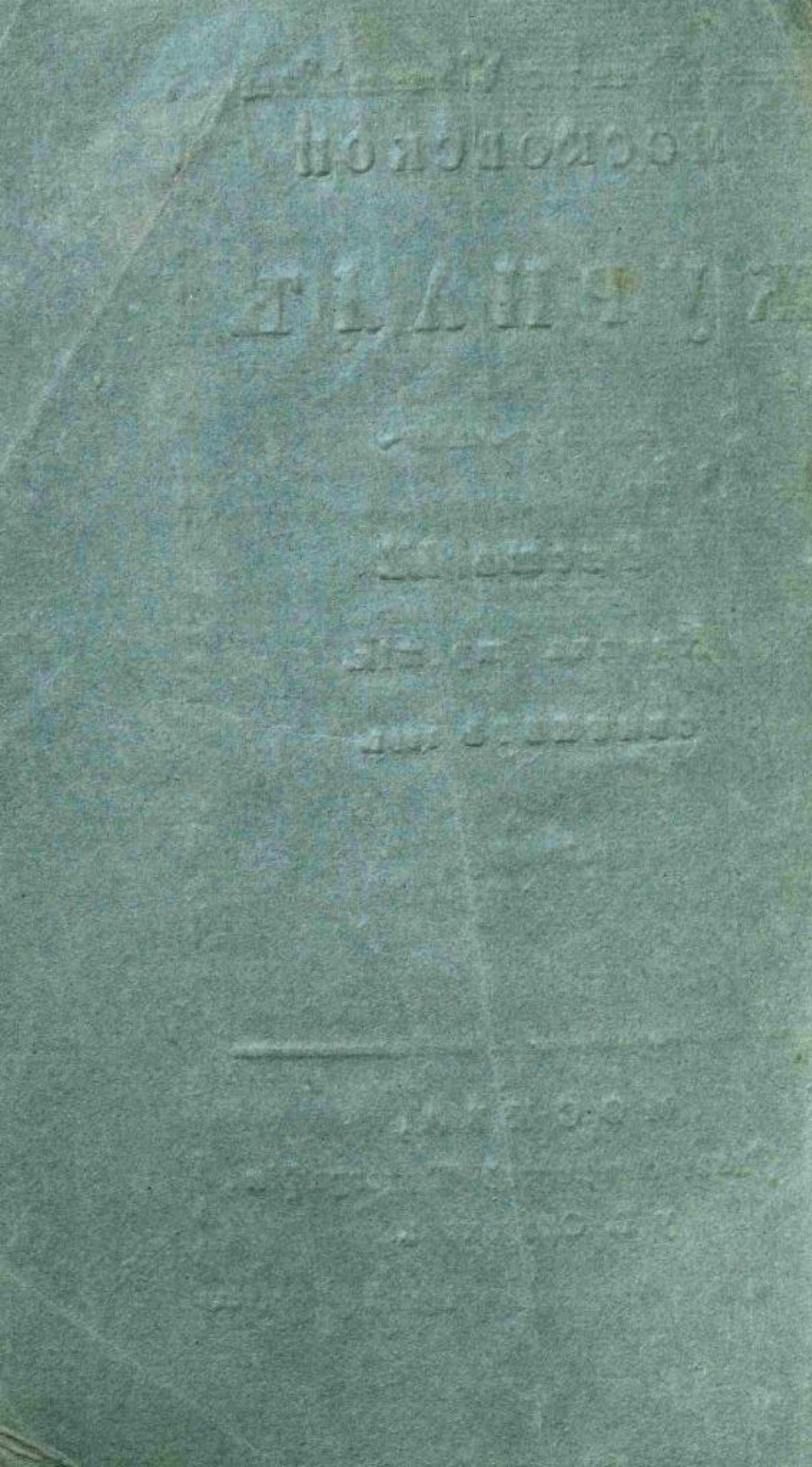
Часть III.

Книжка третія.

СЕНТЯБРЬ 1791.

МОСКВА,
ВЪ Университетской Типографіи,
у В. Окорокова.

53625 Рс 824

МОСКОВСКОЙ ЖУРНАЛЪ.

Часть третія. Книжка третія.

Мѣсяцъ Сентябрь.

I.

ЛЮБОВЬ И ДРУЖЕСТВО.

Священно дружество ! о коль твой
силенъ гласъ !

Подъ тяжкимъ бременемъ недуговъ
злыхъ спрадая ,

Въ унынїи души отрадъ не ожидая ,
Уже я павсегда хотѣлъ забыть Пар-
нассъ ;

Уже не спроилъ больше лиру ;
Не воспѣвалъ на ней ни друга , ни
Плѣниру ;

Лишь только на нее взирая вздыхалъ ,
И слезы изъ очей безмолвно проливалъ .
Но днесъ твои , мой другъ , пріят-
нѣйшія спрокази ,

Какъ будто животворны соки ,
Вліяли жаръ и силу вновь
Въ мою уже хладѣвшу кровь ,

Р

И

ред. ЗЧ00

И къ Музъ паки обратили,
Съ копорою меня дни мрачны разлу-
чили.
Покорствую тебѣ, долгъ дружества
влачу.
Внемли : я пѣть спихи печальные хочу.
Божественнымъ владѣвый даромъ,
Безсмертный Оссіанъ, высокій сей Пѣ-
вецъ,
Дермида предалъ со Оскаромъ
Потомству дружбы въ образецъ.
И въ склонностяхъ и лѣпахъ
равны,
Сіи два друга были славны
Согласіемъ ихъ душъ и мужествомъ
равно.
Узнавъ ихъ всякой мнилъ, что серд-
це въ нихъ одно.
Въ сраженіяхъ они другъ друга защи-
щали,
И вмѣстѣ лавры ножинали.
Примѣрной дружбы ихъ узла
И самая любовь распоргнути не могла.
Уллипомъ въ мірѣ произведена,
Комала, красотой небесной одренна,
По смерти дней своихъ творца,

Который низложенъ Оскаровой рукою;
Была назначена Судьбою
Плѣнишь Героевъ двухъ сердца.
Уже они клянущъ шотъ день, ко-
рый славой
Ихъ подвигъ увѣнчалъ,
Когда шоль сильный врагъ отъ ихъ
мечи упалъ;
Уже, исполненны любовною оправой,
Во славѣ щастія не зрящъ —
Ихъ щастіе въ любви: ее богоотво-
рящъ.
Довольно ль за отца, Комала! ты оп-
мстила?
Но, ахъ! симъ шѣнь его лишь боль-
ше раздражила!
Героевъ ты плѣни, познала горшій
плѣнъ.
Оскаръ, коорымъ твой родишель у-
мерщвленъ —
Кто бъ могъ вообразить? — Оскаръ
тебѣ любезенъ!
Вотще ты хочешь быть сама къ себѣ
строга;
Вотще желаешь зреши въ Оскаръ ты
врага!
Увы!

Увы! среди любви разсудокъ беспо-
лезенъ! —

„ Оскаръ! Дермидъ въ слезахъ ко дру-
гу такъ вѣщалъ:

„ Оскаръ! кляни меня: я твой сопер-
никъ спалъ —

„ Комалу я люблю! . . . Но ты пре-
будь спокоинъ;

„ Ты щасливъ въ ней, я нѣпъ —

„ Вкушай плоды любви, а я оставлю
свѣтъ;

„ Умру, слезъ дружества достоинъ!

„ Мой другъ! въ послѣдній разъ ты
мнѣ послушенъ будь:

„ Возьми свой мечъ, и имъ пронзи
нещастную грудь! „

— „ Что слышу! рекъ Оскаръ, сугу-
бо изумленной:

„ Уже ль Дермидъ меня способнымъ
чаетъ быть,

„ Кровь друга своего дражайшую про-
лить?

„ Бывалъ ли таковой злой извергъ во
вселенной?

„ Дермидъ! хотя ты мнѣ совмѣст-
никъ по любви,
„ Но

„ Но я лишь помню то , что ты мой
другъ : живи ! „ —
„ Мнѣ жить ? Ахъ , нѣтъ ! мнѣ вѣкъ
ужь не прелестенъ .
„ Рази меня , доколь невиненъ я и че-
спенъ !
„ Рази ! . . . Иль хочешь ты меня толь
низкимъ зрѣть ,
„ Чтобъ выю я просперѣ подъ недо-
стойну руку ,
„ Дабы со срамомъ умереть ?
„ Оскаръ ! не множь мою ты
муку —
„ Дай смерть рукой своей ; и вѣрь мнѣ ,
что она
„ Пребудетъ для меня и для тебя
славна . . .
„ Дермидъ ! ты требуешь . . . О го-
рестная доля ! . .
„ Зри слезы . . . Что сказать ? Твоя
свершившаяся воля . . .
„ Но что ! уже ли ты съ безславіемъ
умрешь ?
„ Какъ агнецъ выю самъ подъ оспрѣ
проспрешь ?

, Нѣтъ, смерть твоя должна быть
смертию героя!

, Ступай, вооружись, назначимъ мѣсто боя!

, Сраженъ твоей рукой, безропотно
паду;

, Или, сразя тебя — самъ пушъ къ
тебѣ найду.,

Уже они текутъ на брегъ шумящей *Бранны*,

Гдѣ были сполько кратъ побѣдой увѣнчаны;

Остановляются, въ слезахъ другъ друга зрящъ,

Безмолвствующъ; но, ахъ! сердца ихъ говорятъ!

Объемлются — по томъ мечами
Ударивъ во щиты, вступаютъ въ смертный бой.

Уже съ обѣихъ странъ лѣпится кровь
ручьями;

Уже забвенъ былъ другъ — сражался
лишь герой.

Но чувство дружества Оскара просвѣщаетъ:

Оскаръ, воспомня то, что друга поражаетъ,

Со-

Содрогнулся, и свой умърилъ пылкой
жаръ.
Дермидъ же въ смерти зря себѣ не-
бесный даръ,
Отчаянъ, яростенъ, опасность прези-
рая,
Бросается на мечь, колеблется, па-
депъ,
И руки хладныя ко другу проспирая,
Съ улыбкой на устахъ сей оставля-
етъ свѣтъ.
Оскаръ, отбросивъ мечь, очамъ
его ужасный,
Источникъ пролилъ слезъ и горько
возспеналъ.
„Кого ты поразилъ рукой своей, не-
щастный?
На прупъ взирая онъ вѣщалъ:
„Се другъ твой, се Дермидъ, тобою
убіенный!
„А ты, ты, кровью Дермida оба-
гранный,
„Еще остался живъ? Оскару ль то
снести?
„Умри, злодѣй, умри!... Комала,
ахъ! проспи!..”

— Съ симъ словомъ путь къ своей
воздорожнной направилъ,
Котору посреди смущенія оставилъ.
Съ пришествіемъ его она узрѣла
свѣтъ. —

,, Но отъ чего Оскаръ толь медленно
идетъ?

Комала говорилъ: „Печально онъ взи-
раетъ,

,, И рукъ своихъ ко мнѣ уже не про-
спираетъ...

,, Вздыхаешь... Небеса! какой еще
ударъ!

,, Дражайший мой! скажи, что сдѣла-
лось съ тобою? —

,, Комала! рекъ Оскаръ:

,, Внимай: тебѣ я спыдѣ и грусть мою
открою.

,, Извѣстна ты, что я до днесъ въ
мешаньї спрѣль

,, Подобного себѣ изъ воиновъ не зреялъ;

,, Спрѣла, которую рука моя пускала,

,, Всегда желаема предмета достигала.

,, Но днесъ — о спыдѣ! о срамѣ! о
горька часть моя! —

,, Искус-

,, Иску~~ес~~спва я сего сверхъ чаянья ли-
шился,
,, И славы блескъ моей наукаъ уже
запмился !
,, Комала ! видиши ли близъ онаго ру-
чъя
,, Надменный дубъ, главу межъ про-
чихъ возносящій ,
,, И свѣплый онай щитъ въ низу его
висящій ?
,, Сей щитъ Гармуро~~в~~ъ былъ ,
,, Котораго мой мечъ дни славны пре-
кратилъ.
,, Кто бъ думалъ, чтобъ рука, по-
славша смерть Герою —
,, О стыдъ ! о вѣчный стыдъ ! куда
себя сокрою ? —
,, Пронзить въ средину щитъ без-
сильною была !,, —
,, Оскаръ ! съ улыбкой дщерь Уллинова
рекла :
,, Утѣшился ! Мой отецъ — прости ,
что я вздохнула ;
,, Хоть власпвуемъ любовь , природа
не уснула —

„ Дражайший мой отецъ въ младенческіи
 спвъ своимъ
 „ Училъ меня владѣть стрѣлой и конемъ.
 „ Пойдемъ, любезный мой! Мнѣ щасплье
 вмѣсто дара
 „ Пособиши, можешъ бысть, загладить
 спыдъ Оскара. „
 По семъ они спѣшащъ въ уединенный лѣсъ,
 Гдѣ имъ назначенъ былъ рокъ люпый
 отъ Небесъ.
 Доспигши до него, Комала отспу-
 пасиши,
 Остановляясь, и лукъ свой напря-
 гаешь;
 А между тѣмъ Оскаръ скрывается за-
 щимъ —
 Увы! лепитъ стрѣла, и въ грудь его
 разиши!
 „ Благодарю тѣбя, онъ рекъ упавъ
 на землю,
 „ Что онъ руки твоей, Комала,
 смерть пріемлю!
 „ Доспойши я сего: я друга пролилъ
 кровь.
 „ За-

, Закрой , дражайшая , закрой мои зѣ-
ницы !

,, Проспись со мной, и двѣ гроб-
ницы

,, Любовникамъ своимъ готовъ !,,
Вздохнулъ , и кончилъ жизнь . . . Оп-
чаянна Комълд

Не долго пруцъ его слезами оро-
шала :
Въ Оскарѣ щастіе , вселенну погубя ,
Вонзила острый мечъ немедленно въ
себя.

Три жерпвы , бѣдственno любовію
сраженны ,
По смерти спали быть на вѣки сопря-
женны.

Чувствительны сердца ихъ вмѣстѣ
погребли ,

И крошкій памятникъ надъ ними воз-
несли ,

Который и по днесь въ дубравѣ суще-
ствуєтъ

И ихъ петальную кончину повѣствую-
щій .

Когда пресвѣтлый Фебъ съ лазуре-
выхъ небесъ

Въ

ВЪ полудни жаркіе лучи распрости-
раєтъ,
И сладостный зефиръ во густотѣ
древесъ,
Отъ зноя утомленъ, едва не умира-
етъ;
Невинны пастыри незлобивыхъ овецъ
Спекаються вкушать при гробѣ семъ
опраду,
Гдѣ вспомня жалостный почіюющихъ ко-
недъ,
Люпъ потоки слезъ, забывъ иппи
ко спаду.

И.

II.

ПѢСНЯ ВЕСЕЛЫХЪ.

Братья, рюмки наливайте!
Лейся черезъ край вино!
Все до капли выпивайте!
Осушайте въ рюмкахъ дно!

* * *

Бра-

Братъя ! въ жизни много горя —
Кто его не испыталъ?
Вздохи , слезы наша доля —
Но и радость Богъ намъ далъ.

* * *

Онъ вино намъ далъ на радость ,
Говориша святой Мудрецъ :
Старецъ въ немъ находитъ младость ,
Бѣдной горестямъ конецъ .

* * *

Кто все плачетъ , все вздыхаетъ ,
Вѣчно смотритъ сентябремъ :
Тотъ науки жить не знаетъ ,
И не видитъ свѣта днемъ .

* * *

Все печальное забудемъ ,
Что смущало въ жизни насъ ;
Пѣсть и радоваться будемъ
Въ сей для насъ пріятной часъ !

* * *

Да свѣплѣетъ сердце наше ,
Да сияетъ въ немъ покой ,
Какъ вино сияетъ въ чашѣ ,
Осребряено луной !

III.

МАДРИГАЛЫ (*).

I.

Желаніе пастушки.

,,Ахъ, Дафна! „,— на зарѣ сказалъ мнѣ
милой другъ —
„Когда ты мнѣ еще велиши прїйти на
лугъ,
„Пөдъ тѣнь сихъ скромныхъ ивъ, шо
я умру въ воспоргахъ.
Любовь, Любовь! пусь съ нимъ умремъ
мы въ сихъ воспоргахъ,
Но только приведи еще его на лугъ!

2.

Къ разуму.

Полно, разумъ! не кропчись,
И у свѣчки сей учись
Освѣщать мои забавы,
Не мѣшай ничему!
По ученью швоему
Всѣ веселья сушь отправы;
Но тебѣ не вѣрю я.

M.

IV.

(*) Подражаніе Французскимъ.

IV.

ВЕЧЕРА (*).

Повесть третья.

Что могу я рассказашь послѣ такихъ прогательныхъ сценъ? сказала Юлія. — „Развѣ ты никакихъ радостей въ жизни не имѣла?,, спросила съ улыбкою мать ея. — Ахъ, машушка! отвѣчала Юлія съ нѣжнымъ жаромъ: вы всякой день меня радуете; всякой день наполняете сердце мое сладостными чувствами. Вся жизнь моя есть непрерывное щасіе; но я

уже

(*) Первая повѣсть сихъ Мармоншельевыхъ *Вечеровъ* напечатана въ Маршѣ, а вторая въ Маѣ мѣсяцѣ Московскаго Журнала. Нѣкоторые изъ моихъ знакомыхъ (и при томъ такіе, ко вкусу кооторыхъ я долженъ имѣть довѣренность) желали продолженія оныхъ. Въ угодность ихъ — а можешь быть и въ угодность многихъ изъ благосклонныхъ моихъ Читателей — сообщаю здѣсь двѣ сказочки; а осталыя пять (ибо Мармоншель выдалъ девятое подъ симъ шипуломъ помѣщу въ слѣдующихъ мѣсяцахъ Журнала. — К.

уже къ нему привыкла. — Постойте: шеперь пришелъ мнѣ на мысль одинъ пріятной случай, которой былъ для меня совсѣмъ нечаянной.

Я родилась здѣсь, въ этомъ замкѣ. Машушка хотѣла сама кормить меня. Она почищала это за великое для себя удовольствіе — (и за должность, сказала тихонько Гж. Верваль) — однако жь слабость ея здороваля тому воспрепятствовала. Осташалось ей искать хорошей кормилицы. Она выбрала самую лучшую, какую только можно было найти въ нашемъ окружѣ, и припомъ очень добросердечную женщину. Тысячу разъ слыхала я отъ машушки, что только одна нѣжная мать можетъ имѣть столько попеченія о своемъ ребенкѣ, сколько эта кормилица обо мнѣ имѣла. Знажѣсь свои обязанности, исполняла она ихъ съ такою кропкою, съ такою благородною скромностію, которая походила на благочестіе, и которая самымъ, такъ сказать, низкимъ ея должностямъ придавала видъ нѣкоторой

священной важности. Когда матушка
трустила о томъ, что не могла сама
быть моею кормилицею, то она все-
тда съ чувствительностью ей говори-
вала: „Если бы здоровье ваше, су-
дарыня, позволило вамъ кормить дочь
вашу, то вы бы ее конечно мнѣ не
отдали; а я бы не оставила своего
ребенка за тѣмъ, чтобы питать ва-
шего, если бы вы не были общею на-
шею благодѣтельницей. Надобно бы-
ло кому нибудь изъ насъ заплатить
вамъ за тѣхъ нещастныхъ, которыми
вы всегда великодушно помогали; и
когда вы меня выбрали, такъ видно
была на это воля Божія. Материнская
нѣжность ваша могла бы погу-
бить и васъ и младенца, если бы вы,
не смотря на свою слабость, при-
мудрили себя кормить его. Не бойтесь,
сударыня, чтобы я въ малюткѣ вашей
заглушила голосъ Природы, и по-
вѣрьте, что она, пришедши въ смыслъ,
будетъ привязана къ вамъ болѣе, нѣ-
жели къ кому нибудь на свѣтѣ, —
болѣе, нежели ко мнѣ самой; и вы,

С

су-

судария, вы будете предметомъ всей
ея чувствительности.,,

Какими же отборными словами го-
воритъ эта крестьянка! перервалъ съ
усмѣшкою Дервисъ. — Я не повторяю
словъ ея, опѣчала Юлія, а перес-
казываю смыслъ ихъ. Вы, сударь,
узнаете эту крестьянку, и будете
почитать ее, не смотря на свою гор-
дость. — Сѣи слова, произнесенные
сердитымъ голосомъ, заставили улыб-
нуться Ормесана и Гжу. Верваль. Дер-
висъ потупилъ глаза въ землю, а Юлія
продолжала.

Машушкины милости привели
Сусанну (такъ называлась моя корми-
лица) въ хорошее состояніе. Башюш-
ка мой проводилъ здѣсь лучшее время
въ году, и я всегда имѣла удоволь-
ствіе видѣть Сусанну, съ радостю
бѣгущую ко мнѣ на вспѣчу. Иногда
сама я ходила къ ней въ гости, и, къ
сердечной радости своей, видѣла въ
ея семействѣ миръ, довольствіе и
благополучіе.

Въ одно лѣто намъ надобно было вѣхатъ въ Спа къ водамъ, для того чѣмъ здравье батюшки моего начинало тогда разстроиваться. Мы возвратились въ Верваль уже на другой годъ, и положили тамъ праздновать батюшкino выздоровленіе. Сусанна по своему обыкновенію меня встрѣтила, и хотя въ сердцѣ своемъ была очень печальна, однако жь на томъ разъ все забыла, и радовалась нашему щастливому возвращенію. Но когда я, прощаясь съ нею, сказала ей, что скоро сама надѣюсь быть у нее: то она съ прогательнымъ и печальнымъ видомъ просила меня не брать на себя эпопеи труда. Такая неожидаемая прозьба удивила меня; однако жь я споюла въ томъ, что къ ней буду. Она обняла меня съ улыбкою, въ которой примѣтила я нѣчто горестное. „Вы уже не дитя, сударыня!“ сказала она — и милоспѣ ваши,, — — Нѣтъ, перервала я, нѣтъ! ты никогда не найдешь во мнѣ перемѣны. Я все та же, которую ты кормила своею грудью,

и вѣрно приду къ тебѣ на этихъ днѧхъ.

Ахъ! чувствительность и благородство душевное получаются отъ самой природы! — Кормилица моя была въ нещастїи. Доброй старики, кошорато я прежде у нее видѣла — Фирмень, отецъ мужа ея, Баптиста — умеръ, и долговременная болѣзнь его разстроила все ихъ хозяйство. Вместо маленькаго домика, хорошо прибраннаго, жили они уже въ хижинѣ; вместо прекрасной, черной коровы, оспалась у нихъ коза; вместо поля, винограднаго садика и огорода, было у нихъ только сажени четыре голой земли. Въ осьмнадцать мѣсяцовъ все перемѣнилось. — Сусанна, видя, что я иду, вышла ко мнѣ на встрѣчу, и съ обыкновеннымъ благороднымъ видомъ своимъ сказала мнѣ: „Вы конечно огорчитесь, найдя перемѣну въ нашемъ состоянїи. Однако же все то, чѣмъ наградила насъ милость вашихъ родителей, было употреблено на хорошее. Батюшка нашъ имѣлъ въ болѣзнь свою

свою все что бы отецъ самыхъ богатыхъ дѣтей имѣть могъ, и, слава Богу! до самаго конца своего не терпѣлъ ни въ чемъ недоспака.

Осмотривая глазами ихъ хижину, довольно чистую, но совсѣмъ пустую, я заплакала. Можно ли, сказала я Сусаннѣ, можно ли, что ты не хотѣла насъ увѣдомить о своемъ состояніи! Каکая несправедливость съ твоей стороны, любезная кормилица! Могла ли ты думать, чтобы мы оспавили тебя въ нуждѣ? — Я говорю вамъ, опѣчала она, что больной ни въ чемъ не терпѣлъ недоспака. — А ты? а дѣти твои? а бѣдной отецъ ихъ? — „Нѣтъ, сударыня, отца ихъ не льзя назвать бѣднымъ. Марсленъ, вашъ ровесникъ, во всемъ помогаетъ ему. Они съ весельемъ работаютъ другъ подлъ друга въ виноградномъ саду одного богатаго сосѣда. Луиза, дочь моя, такжे начинаетъ帮忙ть намъ. Ежели бы вы посмотрѣли, какъ она прядетъ у насъ ленъ и бумагу, на той прядильцѣ, которую вы ей пожа-

ловали! А все это, къ концу недѣли, приноситъ намъ сполько денегъ, что можемъ безъ нужды жить. И такъ не тужите объ насъ, милая барышня, и повѣрьте, что естьли бы нельзя было намъ кормиться работою, то Госпожа Верваль и вы, любезная дочь ея, конечно бы первыя объ этомъ узнали.,,

Въ самую ту минуту вошла въ жижину Луиза, держа на головѣ корзинку съ бѣльемъ; подошла ко мнѣ съ веселымъ видомъ, — ласкала меня, — и я не примѣшила въ ней ни малѣйшаго замѣшательства. Луиза! води доить козу, — сказала ей мать: барышня отвѣдаетъ ея молока. Слова, поди доить козу, пронули меня до сердца; но только меня одну. Луиза побѣжала принести мнѣ молока, и радость, которую она чувствовала видя меня, придавала еще большую легкость ногамъ ея. Хлѣбъ у насъ очень хороши (сказала мнѣ Сусанна), потому что я сама пеку его.

Я отвѣдала и хлѣба и молока; и то и другое было въ самомъ дѣлѣ хорошо — только мнѣ показалось горькимъ. Однако жъ я скрыла печаль свою. Какое сопственіе! думала, пошедши отъ нихъ: всякой день ожидать отъ рукъ своихъ нужной пищи! А еспѣли кто нибудь изъ нихъ занеможеть! . . . Ахъ, матушка! вы конечно не оставише кормилицы моей въ такомъ жалкомъ положеніи!

Матушка моя въ самомъ дѣлѣ спаралась новыми благодѣяніями поправить ихъ сопственіе; однако жъ мысль о томъ, что съ ними будеТЬ впередъ — мысль о нашемъ отсутствіи, о разстроенному хозяйству, которое надлежало имъ заводить снова — все это меня беспокоило, и даже въ самыхъ сновидѣніяхъ. Однако жъ между прочими видѣла я одинъ сонъ, который предвѣщалъ хорошее, и который могъ бы меня упѣшить, еспѣли бы я въ самомъ дѣлѣ снамъ вѣрила.

ВЪ здѣшнемъ звѣринцѣ есть ма-
ленькой нерегулярной лужекъ, подъ
пригорка, съ котораго падаетъ ру-
чей, текущій въ наши сады. Для то-
го, кто любитъ размышлять въ ти-
шинѣ, ничего не можетъ быть пріят-
нѣе, какъ сидѣть въ этомъ уединен-
номъ мѣстѣ, на этомъ лужкѣ, по
которому спремышельно мчится ки-
пящій ручей, подъ пѣнкою высокихъ
осинъ. Тутъ забываешь цѣлой свѣтѣ;
не слышишь ничего, кроме шума
воды, которой всегда благопріятствуетъ
глубокимъ размышеніямъ. Башю-
шка мой очень любилъ это мѣсто,
и почти всегда тутъ прогуливался.
Казалось, что онъ хотѣлъ скрыть до-
рогу къ любимому лужку своему; по-
тому что къ нему вели однѣ узень-
кія и кривыя тропинки. Часто ходи-
ла я туда съ мою нянею питать го-
ресть свою воспоминаніемъ о бѣдной
хижинѣ, въ которой жила Сусанна; ино-
гда открывала ей сердце свое, и тре-
бовала у нее совѣта. Но няня моя
была не очень мягкосердечна. Хвала

мою

мою благодарность, старалась она отвратить меня отъ всѣхъ средствъ, которыми я думала изъявить ее на самомъ дѣлѣ. Родители ваши, говорила она, и такъ уже слишкомъ наградили Сусанну; несправедливо будетъ требовать отъ нихъ еще большаго. Со временемъ вы сами можете дѣлать ей добро; а теперЬ довольно и того, что для нее уже сдѣлано.,, — Няня моя говорила правду; однако жь эта правда умножала горесть мою, и я уже не смѣла сказывать ея причины.

Однако жь въ одинъ вечеръ, когда говорили обо снахъ, не могла я пропи- виться желанію разсказать, что мнѣ приснилось въ послѣднюю ночь; а башюшка, которой всегда съ удовольстві- емъ смотрѣлъ на меня, когда я изощряла небольшую способность свою, получаемую отъ природы всякимъ человѣкомъ, способность описывать то, что впечатлѣваешься въ душу нашу, — башюшка, говорю, слушалъ меня съ великимъ вниманіемъ.

Вы знаете, сказала я, что лужекъ съ каскадомъ нравится мнѣ такъ же, какъ и вамъ. Въ прошедшую ночь представилось мнѣ во снѣ это пріятное мѣсто, но только съ нѣкоторыми перемѣнами. Подъ водопадомъ увидѣла я мельницу. Ручей, котораго пѣна бѣлѣлась какъ молоко, шумѣлъ и дымился подъ колесомъ. Мельница, казалось, ободряла его, и вселяла въ него ревность быть полезнымъ. Вашъ ручей съ гордостю вертѣлъ мельничное колесо. И знаете ли, кто былъ мельникомъ? — „Баптистъ, Сусанинъ мужъ“, сказала матушка. — Точно, опровергала я, точно! Баптистъ съ Сусанною мололи вашъ хлѣбъ. Марсленъ садилъ на пригоркѣ виноградъ, а Луиза, сестра его, разводила садикъ. По лугу, кругомъ мельницы, ходили двѣ прекрасныя коровы и овцы съ ягнятами. Ахъ, батюшка! если бы я могла пересказать вамъ, какъ веселилось это семейство, и какъ я сама радовалась! — Батюшка думалъ, улыбался, и наконецъ сказалъ мнѣ:

благодарю

благодарю тебя за этотъ сонъ; ты
очень хорошо рассказала его.

Часто я воспоминала его, будучи
подлъ каскада; но никогда уже не го-
ворила объ немъ. Казалось, что его
совсѣмъ забыли.

Въ концѣ осени мы возвратились
въ городъ. Зима показалась мнѣ очень
долга. Все то, чѣмъ башнюка и ма-
шушка по обыкновенію дарили меня
въ праздники, сохранила я въ цѣлости,
и неперѣливо желала видѣть свою
кормилицу. 24 Апрѣля мы возврати-
лись въ Верваль. Слѣдующій день былъ
самой прекрасной. Вернетъ избралъ
бы его для изображенія обновляющей-
ся Природы во всемъ блескѣ красоты
ея. Всѣ радовались весною; всѣ весе-
лились вновь украшенными полями.
Одна я была печальна. Сусанна, про-
тивъ своего обыкновенія, не пришла
меня вспрѣтить. Не больна ли она?
думала я: не боленъ ли мужъ ея,
или кто нибудь изъ дѣшей? Или мо-
жетъ быть, спрадая въ бѣдности,
она уже не смѣетъ показаться.

Батюшка, послѣ завтрака, позвалъ насъ прогуливаться. Машушка, приходской Священникъ, человѣка четыре изъ нашихъ пріятелей, и въ томъ числѣ Г. Баронъ Дризакъ — (да, да, я тутъ же былъ! сказалъ Баронъ) — однимъ словомъ, всѣ, сколько насъ было, пошли за батюшкою, и обогнедши сады и рощицы, пришли наконецъ въ то уединенное мѣсто звѣринца, гдѣ падаетъ съ пригорка ручей. Какъ же я изумилась, и какъ обрадовалась, увидѣвъ, что сонъ мой совершенно сбылся! Мельница, виноградной садъ, огородъ и спадо представились глазамъ моимъ; но всего восхипиша́льше было для меня то, когда изъ маленькаго домика вышли Бапистъ и Сусанна съ дѣтьми своими. Нѣтъ, я не могу описать тогдашнихъ чувствъ моихъ! Бросившись къ батюшкинымъ ногамъ, я обнимала и целовала его съ такою нѣжностію, съ такимъ жаромъ, чѣмъ всѣ присутствующіе были тѣмъ тронуты. Батюшка поднялъ меня съ улыбкою. Поди, обнимай свою Сусанну,

жену новаго мельника, — сказалъ онъ.
Я бросилась въ ея объятія. Благодарность добродушной семьи была такъ же чрезмѣрна, какъ моя радость.

Мы вошли въ мельницу, и нашли тутъ все нужное для хорошаго хозяйства; батюшка не забылъ ничего. Почтенней нашъ Священникъ, сѣдой старецъ, осипалъ его благословеніями; и всѣ наши друзья, подобно мнѣ пронупые, прославляли его великодушіе.

Чему вы удивляетесь? сказалъ онъ намъ, когда мы пошли домой: все это никакъ не мудрено, и спопитъ мнѣ очень не дорого. Ручей (какъ-то Юлія и во снѣ видѣла) падалъ съ пригорка и текъ по лугу безъ всякой цѣли и безъ всякой прибыли; теперь я сдѣлалъ его полезнымъ. Эта мельница выгодна для всего сосѣдства; она обогащаетъ добрыхъ людей, ко торыхъ имѣли право на мою благодарность; украшаетъ мой звѣринецъ, представляя въ немъ живую каршину, и наконецъ умножаетъ мои доходы. Теперь превозносите до небесъ это велико-

великодушное дѣло. Друзья мои! живя въ деревнѣ, можно дѣлать много добра, и притомъ безъ всякаго труда и убытку. Вотъ что всего болѣе привязываетъ меня къ сельской жизни!

Повѣсть четвертая.

Мнѣ также, сказала Гж. Верваль, не споило ни труда ни убытку то удовольствіе, которымъ насладилась я въ эту весну. Къ нещастію, она была послѣдняя для отца своего, который всегда прїезжалъ сюда съ такою радостію!

Послѣ сихъ словъ слѣдовало молчаніе, продолжавшееся нѣсколько минутъ; облако горести помрачило лица всѣхъ гостей. Олимпія, примѣтивъ сіе, захотѣла опять развеселить друзей своихъ, и начала разсказывать слѣдующую повѣсть.

Дочь моя сказала вамъ, что у Сусанны было двое дѣтей: Марсленъ, самой веселой мальчикъ во всей деревнѣ, и Луиза, большая сестра его. Лу-

Луизу всѣ называли красавицей; а сверхъ того на лицѣ ея написана была такая искренность, такая открыщенность, что всякой, смотря на нее, какъ будто бы сквозь чистое стекло видѣлъ всю ея душу. Еспѣли бы живописецъ захотѣлъ изобразить Невинность, что онъ списалъ бы портретъ съ Луизы. Видно было, что она не знала притворства; что ложь не помрачала никогда сердечной чистоты ея; что испина при дуновеніи первого слова готова была спорхнуть съ ея устъ. Мне кажется, что такой видъ всего привлекательнѣе въ женщины — и Луиза, появившись въ нашей деревнѣ, потѣшила многихъ молодыхъ людей.

Всякое воскресенье давала я себѣ на дворѣ балъ поселянамъ. Тутъ собиралось множество молодыхъ девушекъ; только ни на кого изъ нихъ не смотрѣли молодые поселяне такими спрасными глазами, какъ на Луизу. Но какъ она была скромна, и сама не чувствовала своихъ преимуществъ

имущество, то подруги ея не сердились на нее за то, что она запомнила ихъ своею красотою. Зависть не такъ несправедлива, какъ думаютъ: болѣе всего оскорбляетъ ее то превосходство, которыемъ хвалятся. Луиза не только не хвалилась собою, но всегда еще уступала подругамъ своимъ то первенство, которое молодые люди во всемъ ей отдавали. Правду скажешь, всѣ они были для нее не очень важны, и между множествомъ обожателей, которые смиренно окружали ее и старались другъ передъ другомъ ей нравиться, примѣтила я только одного, котораго иногда удостоивала она улыбки или внимательного взгляда. Этотъ щасливецъ былъ молодой Пьеръ, сынъ нашего откупщика. Въ деревнѣ почитали его примѣромъ всѣхъ сельскихъ добродѣтелей. О состояніи земледѣльца имѣлъ онъ весьма высокое мнѣніе. Иногда я видала его на рабочѣ, и всегда имѣлъ радовалась; гордѣлся онъ за сохою, и, казалось, по землѣвалъ землю быть плодородною.

Ко-

Когда же онъ возвращался домой на своей наполненной снопами телѣгѣ, поднявъ вверхъ голову, съ надежнымъ взглядомъ, съ торжествующимъ видомъ: то всякой бы подумалъ, что онъ сидитъ на пронѣ изобилія. Г. Верваль полюбилъ его, и говоривалъ ощущу его: „Жераръ! ты доброй человѣкъ и хороший земледѣлецъ; только сынъ твой не уступитъ тебѣ...“ При такой похвалѣ важной и скромной Пьеръ потуплялъ глаза въ землю, и послѣ съ гордымъ видомъ осматривался вокругъ себя. — Вотъ каковъ былъ любовникъ Луизинъ.

И въ деревнѣ и въ городѣ ревность имѣетъ проницательные глаза. Скоро примѣтили и потихоньку начали говорить другъ другу, что Луиза нашла себѣ жениха, и что Пьеръ будетъ ея мужемъ. Этотъ слухъ дошелъ до меня, и я велѣла позвать къ себѣ Луизу.

Послушай, душенька! сказала я. Говорятъ, что всѣ въ деревнѣ любятъ тебя за твою скромность, за хорошій

твой нравъ, а особенно за нѣжную привязанность твою къ родителямъ; и что многія матери почли бы за щастіе женишь на тебѣ сыновей своихъ. — „Я имъ за это очень благодарна, сударыня!“, сказала Луиза. — Еспѣли бы отдашь тебѣ на выборъ, то которую бы изъ нихъ захотѣла ты ощасливить? — „Послѣ моей матушки, сударыня, я никого такъ не люблю, какъ Августину, жену вашего откупщика. Она ко мнѣ очень ласкова.“, — Радуюсь. А каковъ тебѣкажется мужъ ея? — „Ахъ, сударыня! онъ предоброй человѣкъ.“, — У нихъ есть дочь въ твои лѣта. — „Такъ, сударыня! Ее зовутъ Лизеттою. Мы очень любимъ другъ друга.“, — У нее есть братъ, которой, не смотря на свою молодость, ведетъ себя очень хорошо. — „Очень хорошо, сударыня!“ (При сихъ словахъ двѣ прекрасныя розы распустились на ея щекахъ). — Говорятъ, Луиза, что онъ очень почитаетъ тебя. — „Можетъ быть, сударыня!“

Я думаю., — Въ ваши лѣта не дол-
го полюбишь того человѣка, котора-
го почитаешь. — „О ! конечно, суда-
рыня, конечно ! И еспѣли наши ро-
дичиѣли позволяшь намъ, такъ мы
гоповы полюбить другъ друга всѣмъ
сердцемъ., — Да знаютъ ли они ва-
ши мысли ? — „Какъ не знать , су-
дарыня ! Я ничего не шаю отъ машу-
шки , и давно уже ей обѣ эпомъ сказ-
ала. А Пьеръ также открылъ свою
шайну Жерару, когда мы въ престій
разъ плясали другъ съ другомъ пе-
редъ вашимъ домомъ. Послушай ; ба-
тюшка ! сказалъ онъ ему, взявиши его
за руку : посмотри на эту девушку
— она будеѣ твоей снохой , или
тебѣ никогда не видать меня жена-
шаго. Жераръ улыбнулся , смотря
на меня , и сказалъ : время не уйдетъ ;
погодимъ еще года два — три , а
тамъ увидимъ., — А что думаетъ
Сусанна ? — „Она думаетъ , что я
нѣ богата ; и что Жераръ конечно за-
жметъ приданаго., — Однако же
Пьеръ , говориша ты , сказалъ , что

онъ не женился ни на комъ, кроме
тебя. — „Правда; да ежели велишъ
ему отецъ, то вѣдь надобно будетъ
повиноваться. Я сама не захочу, чго-
бы онъ былъ непослушнымъ сыномъ.
На прим. ежели мнѣ баптишка и ма-
тишка что прикажутъ, то развѣ я
не должна буду исполнить ихъ при-
казанія? „

Такимъ образомъ кончился нашъ
разговоръ. Я опѣ слова до слова пере-
сказала его Господину Вервалю. Поз-
воль мнѣ вступить въ переговоры,
сказалъ онъ: прежде всего надобно
поговорить съ Баптистомъ. Онъ по-
шелъ на мельницу и сказалъ ему: зна-
ешь ли ты, Баптистъ, что дочь твой
и сынъ моего откупщика очень другъ
друга починаютъ? „Такъ починаютъ,
отвѣталъ Баптистъ, что рады хоть
шеверъ ишли въ церковь. Я говорилъ
объ этомъ Жерару; онъ отвѣталъ
мнѣ, что въ ихъ лѣта любовь не
шолько не портится отъ времени,
а еще становится зреѣше и лучше, и
что надобно подождать года два при-

Дѣло состоишъ въ томъ, ваше сіѧтельство, что прежде женидьбы своего сына ему хочется взять новой откупъ. Нынѣ во всей здѣшней странѣ цѣна наемныхъ земель возвышается. Онъ думаетъ, что вы и за свою землю захотите взять дороже; у него есть зависники, которые конечно будутъ передъ нимъ надбавлять, и набьютъ большую цѣну. Вотъ что его тревожитъ!,, — Жерару, кажется, надоально знать, что я не Арапъ, — сказалъ Г. Верваль, и позвалъ его къ себѣ на другой день.

Есть ли надежда, что нынѣшній годъ соберемъ мы много хлѣба? спросилъ онъ. Надежда есть, опровергъ Жераръ: только она часто обманываетъ. Бываєтъ, что наканунѣ богатой жатвы сильной вѣшрѣ, буря, градъ, все опускаютъ. Бѣдной землевладѣльцу трудится въ попѣ лица своего, и часто понапрасну. — Однако жъ, сказалъ мужъ мой, цѣна откупныхъ земель возвышается; и я надѣюсь, что при возобновленїи нашего кон-

тракта — — — „Ахъ, ваше сиятельство! сжалъшесь надъ нами. Всѣмъ извѣстны ваша милость и человѣколюбіе. Вы обогатили недавно честное семейство: уже ли захочишъ вы разорить другое, которое до нынѣшняго времени служило вамъ отъ доброго сердца? „Ты говоришь конечно о Баптистѣ, моемъ мельникѣ, отвѣчалъ Графъ: теперь я вспомнилъ, что его дочь дружна съ твоимъ сыномъ. — Правда, сказалъ со вздохомъ добродушной откупщикѣ: да можно ли думать о женильбѣ дѣлѣй своихъ, не имѣя ничего вѣрнаго? — Ты говоришь какъ хороший отецъ и умной человѣкъ, сказалъ Г. Верваль: а еспѣли я снова отдалъ тебѣ свою землю на девять лѣтъ по прежней цѣнѣ, и еще на столько же времени впередъ, когда сынъ твой жениится на Ауизѣ? „Ахъ, милостивой государь! какое великодушіе! Сынъ мой въ вашей волѣ. Я подпишу вмѣстѣ и свадебной и откупной контрактъ. „Жераръ былъ внѣ себя отъ радости.

Дѣло сдѣлано, сказалъ мнѣ Графъ, пришедши: отцы согласны. Мнѣ сподѣло, только увѣришь ихъ, что я не намѣренъ требовать излишняго отъ бѣднаго поселянина, копорой и безъ него дорогого плашимъ скучной землѣ за ея плоды. А когда они почишашъ это за благодѣяніе съ моей стороны, то я хотѣлъ, чтобы и Луиза имѣ воспользовалась, и чтобы на моей землѣ прибавилось еще двое щастливыхъ.

Дочь моя въ ту же минуту пошла сказать обѣ этомъ Сусаннѣ; но Жераръ уже предупредилъ ее. Юлія нашла обѣ семьи вмѣстѣ. Любовники смотрѣли другъ на друга и плакали отъ любви и радости; отцы пожимали одинъ у другова руку, матери обнимались. Одинъ Марсленъ былъ печаленъ, сидѣлъ въ углу и смотрѣлъ на Лизету, которая, положивъ голову на плечо Луизѣ, не смѣла взглянуть на Марсленя.

Юлія была пронута сею картиною. Когда она мнѣ описала ее, то

я подумала: вотъ еще другая свадьба; но тутъ не надобно спѣшишь, потому что Марсленю только еще семнадцать лѣтъ.

На другой день пришла Сусанна, бросилась ко мнѣ въ ноги, и послѣ излїянїя своей благодарности, сказала мнѣ: повѣрите ли, сударыня, что въ самую эту минуту радость моя не безъ горести? Марслень мой скрушается о томъ, что сестра его выходитъ за мужъ прежде его женидыбы. Еспѣли надобно только влюбиться, говоришъ этотъ дурачекъ, то онъ влюбленъ въ Лизету, сеспру Пьерову, въ тысячу разъ болѣе, нежели Пьеръ въ Луизу. Я хотѣла шушпить надъ нимъ; но онъ сказалъ мнѣ, что вместо смѣху скоро я стану плакать о бѣдномъ своемъ Марсленѣ, которой всегда сполько любилъ отца и мать свою, и которой съ нашей стороны конечно не заслужилъ того, чтобы смеяться надъ его отчаяніемъ. Тутъ онъ залился слезами и пошелъ на рабочу,

Надобно его утѣшишь, сказала я.
Пришли его ко мнѣ завтра поутру
съ сливками.

Онъ пришелъ такой блѣдной и
унылой, что мнѣ спало жалко. Здрав-
ствуй, Марсленъ! сказала я. Очень
рада, что тебя вижу. Только ты
очень печаленъ. — „Да, сударыня!
я печаленъ, отвѣчалъ онъ: только
въ эшомъ не моя вина. Я радъ бы
веселииться, да другія люди не хо-
тятъ эшова. „Что же тебя огор-
чаетъ, мой другъ? — „Какъ что,
сударыня! Вы видише, что сестру
мою выдаютъ за мужъ; обѣ ея благо-
получїи спараютса, а обо мнѣ ни-
кто не думаетъ — никто, сударыня!
ни одинъ человѣкъ. Васъ просяшъ
только о Луизѣ; хотятъ, чтобы вы
къ ней были милоспивы — а бѣдной
Марсленъ такъ оспаешся. „При-
дешъ и твоя очередь, другъ мой!
Ты еще очень молодъ. — „Молодъ!
Безпреспанно твердятъ мнѣ, что я
молодъ! Да развѣ спарики женятся?
Вы знаете, сударыня, что я поспа-

рѣе барыши. Вамъ всѣ скажутъ, что Марсленъ какъ большой человѣкъ работалъ отъ утра до вечера, въ саду, на мельнице, и вездѣ, вездѣ. Когда я берусь за поноръ, заспунъ, или когда цѣлой куль муки вскидываю себѣ на плечо какъ перышко, такъ пушъ не говорятъ мнѣ, что я ребенокъ., — Знаю, что ты хороший работникъ, и что ты очень помогаешь своему отцу. — „Да, сударыня, я смѣло могу сказать, что бапюшкѣ моему скоро не было бы дѣла, если бы сердце у меня спало покойно; а то вѣдь горе охватываетъ силы. Когда же я потеряю здоровье, кто будешь тогда помогать бѣдному спарику моему? И каково будетъ моей матушкѣ, когда сестра покинетъ насъ, и когда она одна должна будетъ смотрѣть и за мельницею и за домомъ? Ежели бы у нее была молодая сноха, то ей осталось бы только приказывать: Лизета! понеси молоко и сливки къ барынѣ; а послѣ сдѣлай то и другое, и прочее. Лизета была бы

ей всегда покорна и послушна; всегда бы ласкала ее, и спаралась бы ей угодить; а я, возвращаясь ввечеру с работы, находилъ бы дома милую жену, которая бы говорила мнѣ: сядь подлѣ меня, мой другъ, и отдохни! — Какое щасіе! какая розница! Отъ одной мысли прыгаетъ во мнѣ сердце., — И такъ ты хотѣлъ бы жениться на Лизетѣ, откупщиковой дочери? —,, Конечно, сударыня! не уже ли на другой?, — Мнѣ не сказывали, чтобы ты въ нее влюбленъ былъ. —,, Я думаю. Кому до меня дѣло?. Кто обо мнѣ мыслишъ, и кто говоритъ?, — Ты можешь быть шаилъ свою любовь. —,, Нѣтъ, сударыня, нѣтъ! Я сказывалъ обѣ этомъ всей деревнѣ., — Что же Лизета? Такъ ли она любишъ тебя, какъ ты ее? —,, Такъ не такъ, а начало уже есть. Всегда, когда я иду мимо ихъ двора, она мнѣ съ улыбкой кланяется, и спрашиваетъ: куда ты идешь, Марсленъ? откуда ты идешь, Марсленъ? Вѣдь вы знаете, сударыня, что

людей даромъ не ласкаютъ. Сверхъ
шого она очень пріятно, очень нѣжно
выговариваетъ мое имя; кажется, что
ся губы цѣлуютъ его. Есъли она
еще не любитъ меня, то конечно
скоро полюбитъ; въ томъ прошу мнѣ
повѣришь. Только бы меня женили на
ней ; а остальное беру на себя.
Ужь чтобы я былъ за нещастной че-
ловѣкъ, есъли бы не заставилъ ее лю-
бить себя !,, — Да Лизета спа-
рея двумя годами, Марсленъ ! —
„Тѣмъ лучше, сударыня ! Чѣмъ спа-
рея, тѣмъ умнѣе ; а коли я не со-
всѣмъ уменъ, такъ она научишъ ме-
ня .,, — Отецъ ея не скоро согла-
сится выдать ее за такого молодень-
каго мальчика. — „Машушка то же
говоришъ ; да есъли баринъ захочетъ,
такъ ему стоитъ только сказать одно
слово. Послушайте, сударыня ! Есъ-
ли бы я былъ на его мѣстѣ, то при-
звалъ бы къ себѣ и тово и другово
отца, и сказалъ бы своему мельнику :
Башистъ ! доволенъ ли ты своимъ сы-
номъ Марсленемъ ? Доволенъ, госу-
дарь !

дарь! ошвѣчалъ бы мой батюшка: есть надежда, что изъ него выдешъ хороший человѣкъ; кажется, никакихъ пороковъ за нимъ не примѣчаю; онъ почишаешь оца и мать, и знаешь, какъ надобно любить жену и дѣлъ своихъ; можно думать, что онъ будетъ хорошимъ мужемъ. А ты Жераръ, сказалъ бы я, намѣренъ ли выдать за мужъ дочь свою? Женихъ подѣлъ тебя; помѣнявшись съ Баптистомъ дочерьми, и сдѣлаемъ вдругъ двѣ свадьбы. Какъ ты думаешь? *Ахъ, милостивой государь!* Марсленъ очень молодъ! Нужды нѣтъ! Чѣпо ни скажутъ злоязычныя люди, а молодость не порокъ. Марсленъ доброй малой, и рабопашь мастеръ: чего больше? Послушай, Жераръ: если ты хочешь, то я сдѣлаю для него то же, что для Пьера; то есть, отдамъ Баптисту мельницу, съ тѣмъ, чтобы онъ и сынъ его владѣли ею по смерть свою. Такимъ образомъ дочь твоя буде пристроена къ мѣсту; а дѣши мои останутся навсегда покровителеми ихъ

ихъ дѣпей. — Я обѣ закладъ ударься, сударыня, чѣто и Жераръ и Баписпъ согласятыся, и будутъ благодаришь господина.,, — Ты очень хорошо изѣясняешь свой мысли, сказала я. Поди домой, и будь покоенъ; я берусь говорить за тебѧ.

Онъ правъ, сказалъ мужъ мой; когда я разсказала ему эту сцену: мнѣ самому хотѣлось укрѣпить имъ мельницу, такъ чтобы она принадлежала и наслѣдникамъ ихъ. Такимъ образомъ мы сдѣлаемъ еще двоихъ щастливыми безъ всякаго для себѣ убытку, кромеъ того, чѣто намъ надобно будемъ дать свадебной пирѣ. Вы, сударыня, конечно возьмеше на себѣ изготовишь приданое для невѣсты; а ты, Юлія, когда матерь твоя будетъ заниматься Лизетинимъ приданымъ, вспомни, чѣто Марсленъ для тебѧ былъ опнѧть манерью отъ груди.

На другой день подписали контрактъ; но обѣ свадьбы отложены были на нѣсколько дней, по такой причинѣ, которой намъ объявить не хотѣли.

(При

(При сихъ словахъ Вервальской Священникъ, которой былъ въ числѣ гостей Госпожи Вѣрваль, вспалъ и хопѣлъ уйши; но Олимпія не пустила его, и продолжала свою повѣсть).

Передъ однимъ олтаремъ и въ одинъ часъ были соединены Луиза съ Пьеромъ и Лизетта съ Марсленемъ. Свадьба была общая. Мы дали обѣдъ у себя въ домѣ, и созвали всѣхъ поселянъ. Пріятно было видѣть щаслие супруговъ и родителей; но насъ ожидало еще прогаительнейшее явленіе.

Этотъ почтеннейшій свадебный благословилъ новобрачныхъ; онъ сидѣлъ между матерями; дочери сидѣли подѣльниихъ, а напротивъ молодые супруги подѣль отцовъ своихъ. Когда всѣ мы усѣлись вокругъ спола (а насъ было очень много), Жераръ вспалъ, и съ важноспю, вселившею въ насъ почтеніе, сказалъ:

Друзья мои! этотъ щасливой день, которой избрали отцы для соединенія дѣтей своихъ, есть праздникъ не только для ихъ семействъ,

ио и для всей деревни, для всѣхъ, сколько насть здѣсь собралося. Нынѣ минуло пятьдесятъ лѣтъ тому, какъ нашъ почтенней Священникъ, другъ нашъ, другъ отцовъ, другъ дѣдовъ нашихъ, которой помнимъ, какъ мы родились; которой въ минушу нашего рожденія принялъ насть на руки, и съшого времени пекся объ насть какъ вѣрной и доброй паспры — нынѣ минуло пятьдесятъ лѣтъ тому, какъ онъ принялъ начальство надъ спадомъ своимъ; и во все это время не пропускалъ онъ ни одного дня безъ того, чтобы не сдѣлать намъ добра. Будучи общимъ и семейственнымъ судьею и миротворцемъ нашимъ, прекратилъ онъ тысячу жалобъ и не подалъ причины никъ одной; кончилъ тысячу спорныхъ дѣлъ, а самъ не имѣлъ ни одного. Нещастные находили въ немъ нѣжнѣйшаго упѣшился, а бѣдные наилучшаго отца. Коротко сказать, нынѣ уже пятьдесятъ лѣтъ тому, какъ его наставленія и примѣръ учатъ насть быть добрыми людьми.

людьми жить дружно. Въ этотъ день, друзья мои, возобновляется его любовь къ намъ и наша любовь къ нему; возобновляется наша священное съ нимъ союзъ — и для того мы вѣсъ созвали. Боже! хотя для святости нынѣшняго дня ниспошли Свое благословеніе на бракъ дѣтей нашихъ!

Не могу описать вамъ, какъ всѣ мы были пронуты его рѣчью. Дай Богъ, дай Богъ, чтобы онъ прожилъ съ нами еще пятьдесятъ лѣтъ! восклицали поселяне: для щастія нашей деревни продли Богъ лѣта святаго мужа, добродѣтельнаго пастыря, отца и благодѣтеля нашего!

„Ахъ, сударыня! пощадите меня! „, перервалъ добродушной Священникъ. Нѣтъ, нѣтъ! я должна все сказать, — продолжала Гж. Верваль. Будучи самъ тронутъ до глубины сердца, еще болѣе нежели теперь (потому что это есть только одно воспоминаніе) добродѣтельной спаредъ упалъ въ чувствахъ своей смиренной благодарности. Обѣими руками за-

крыль онъ лице свое, и слезы ручьями лились между его пальцовъ; а по томъ успремилъ взоръ свой на Небо, или для того, чтобы опнести къ Нему все хваленіе благодарныхъ сердецъ, или для того, чтобы поручишь Ему духовныхъ дѣпей своихъ.

Коропко сказать, эпомъ неожидаемой случай сдѣлалъ во всѣхъ присутствующихъ такое глубокое впечатлѣніе, что самые новобрачные забыли другъ друга. Опцы и матери перестали думать о дѣпяхъ своихъ. Сусанна отъ времени до времени посматривала на Луизу, но единственно для того, чтобы видѣть ея чувствительность къ торжеству добродѣтели. Мнѣ казалось, что никогда еще не бывало въ сердцѣ моемъ такихъ сладостныхъ, такихъ восхитительныхъ чувствъ, какъ въ эту минуту; и если бы не заиграла музыка и не упѣшила присутствующихъ, то всякой бы со слезами пошелъ домой. Священникъ нашъ первой началъ читать здоровья новобрачныхъ, опцовъ,

матерей, и не забылъ даже и нашего. Вино разсѣяло всю мрачность въ собраніи; запѣли пѣсни, которыя еще болѣе оживили гостей; а пляска, по окончаніи обѣда, совершенно всѣхъ развеселила.

IV.

БѢДНОЙ СЪ СОБАКОЮ.

Отрывокъ изъ Стернова сочиненія.

У меня ничего нѣтъ, доброй человѣкѣ! сказалъ я спарику, покрытому рубищемъ и съ шерстянымъ краснымъ колпакомъ въ рукахъ подошедшему ко мнѣ. Глаза и видъ его просили, но успа его молчали. Подле него была собака, которая, глядя на меня приспально, подобно своему господину, хопѣла, казалось, меня умилостивить. У меня ничего нѣтъ, сказалъ я въ другой разъ. Это была и ложь и жеспокость. Я покраснѣлъ, сказавъ сии слова; но подумалъ самъ въ себѣ:

эти бѣдные слишкомъ докутины! Только сей не былъ таковъ. Отвѣчавъ мнѣ, дай Богъ вамъ здоровья! опошелъ онъ съ покорностю.

Гей! скорѣе лошадей! Прїѣзжаетъ карета; почтари бѣгутъ; бѣдной ста-рикъ съ собакой своей подходитъ, не получаетъ ничего, и уходитъ безъ роптанія.

Тотъ, которой неправъ, сер-дится, видя, что другой на его мѣ-стѣ не сдѣлалъ такой же несправед-ливости. Ежели бѣ проѣзжіе въ каре-тѣ дали что нибудь сему бѣдному, то мнѣ было бы очень досадно. Эти люди богатѣе меня, думалъ я; и еже-ли — — Боже мой! можетъ ли ихъ жесто-кость извинить мою? Сіе разсужденіе поссорило меня съ самимъ собою. Я искалъ глазами бѣднаго, такъ какъ будто бы хотѣлъ его подозвать къ себѣ. онъ сидѣлъ на каменной лавкѣ; собака лежала у ногъ его, положивъ голову на колѣни къ господину своему, кото-рой, гладя ее, не обращалъ глазъ на мою сторону. На той же самой скамье-

увидѣлъ я солдата; по запыленнымъ его башмакамъ видно было, что онъ проходжій. Онъ положилъ свою суму на скамью между бѣднымъ и собою, а на нее шнагу и шляпу. Утирая лобъ рукою, казалось отдыхалъ онъ, сѣвшимъ, чтобы опять пуститься въ путь свой. Собака его (у него также была собака) сидѣла на землѣ подъ него, глядя на проходящихъ съ видомъ спѣсивымъ. Эта собака заставила меня примѣчательнѣе взглянуть на первую, которая была черна, дурна и до половины голая. Я удивлялся, какъ ешарикъ, доведенной до крайней бѣдности, охотно раздѣляетъ съ нею трудное и не всегда вѣрное свое пропитаніе; но взоры ихъ другъ на друга напечасъ меня вразумили. — О! изъ всѣхъ животныхъ любезнѣйшее и по справедливости любимое! воскликнулъ я самъ въ себѣ: ты товарищъ человѣку, другъ и братъ его; ты одно оспаешься ему вѣрнымъ и въ нещастіи; ты одно не пренебрегаешь бѣдности! Ежели бъ привычка жить подъ богато

шаго тебя не портила ! Этотъ доброй спарикъ, оставленной, презрѣнной, всѣми отгоняемой, находицъ въ тебѣ друга, которой его ласкаетъ и во всемъ соучаствуешь съ нимъ ; на соломенной постель, которую онъ съ тобой раздѣляетъ, нищета его кажется ему не споль ужасною. Онъ не одинъ уже въ свѣтѣ , какъ скоро ты ему оспаешься ! . . . Въ сїю минуту опускаючи спекло въ каретѣ , и выбрасываючи оспатки мяса отъ завпра-ка ; собаки кидаются — карета , отъѣзжая , задавляетъ одну изъ нихъ , именно спарикову . Собака взвизги-ваетъ — и въ послѣдній разъ . Хозяинъ бросается къ ней въ жестокомъ от-чаянїи . Онъ не плакалъ — увы ! не могъ онъ плакать ! — Спарикъ ! закри-чалъ я ему . Онъ съ горестю огля-нулся на меня . Я бросилъ ему рубль , которой подлѣ него покатился , не заставя его и взглянуть на себя . Онъ поблагодарилъ меня наклоненiemъ голо-вы — взялъ собаку свою на руки , — увы ! она уже умерла .

Другъ мой! сказалъ ему солдатъ, подавая рубль мой: этотъ великодушной человѣкъ даетъ тебѣ деньги; онъ къ щастію богатъ; но не всѣ имѣютъ богатство. У меня нѣтъ ничего, кроме собаки; ты лишился своей: вотъ тебѣ моя! — Онъ отдаетъ собаку бѣдному, и удаляется.

Господинъ солдатъ! закричалъ спа-
рикъ, бросаясь на колѣни и поднимая ру-
ки; но солдатъ продолжалъ путь свой,
оставя бѣднаго въ восхищеніи отъ
удивленія и благодарности — благо-
словенія его и мои за нимъ слѣдуютъ.
Великодушной человѣкъ! какъ малъ я
передъ тобою! Я далъ деньги этому
нешастному, а ты возвращаешь ему
друга.

Прибавление отъ Переводчицы.

Щастливъ, кто чувствуетъ всю
цѣну сего дѣйствія! Душа Спернова,
кажется, упоена была подобными чув-

ествами. Бѣдной съ собакой своей, Марія и ле-Февръ, останулся вѣчнымъ монументомъ его чувствительности, и будущъ услажденіемъ сердецъ, подобныхъ его сердцу. Читашели да прошпѣтъ слабой переводѣ мой! Желаніе, видѣть на Рускомъ языкѣ сей ошривокъ, превозмогло застѣнчивость мою, не позволявшую мнѣ отдавать переводы мои въ печать, и сдѣлало сей сносныи въ глазахъ моихъ. — Переводивъ единственно для своего удовольствія, и не мисавъ прежде никогда для Публики, легко могла я надѣлать ошибокъ; а по сему всякую поправку отъ Сочинителя Московскаго Журнала (*) приму съ благодарностію. Ежели онъ и совсѣмъ не напечатаетъ моего пере-

вода.

(*) Издатель Московскаго Журнала ничего не могъ поправить въ семъ переводѣ, и почишаешь за долгъ благодаришь почтенную Переводчицу за то удовольствіе, которое она чувствовала при чтеніи сего прекраснаго ошривка. Ешьли бы и ле-Февръ изъ Триспрама Шанди удоѣлся шакой Переводчицы! — К,

вода, то не полосадую, будучи хотя и женщина, но очень мало самолюбива, и довольствуясь темъ, что подобныя сему сочиненія производятъ въ душѣ моей чувства ни съ чѣмъ несравненныя.

* * * *

VI

V.

ПРАЗДНИКЪ СТАРЦА,

Сочинение Епископа Нарушевита.

Переводъ съ Польскаго.

Предвѣстница златаго солнца, розовая заря уже коснулась багряными отраженіями свѣта своего оконъ моего жилища. О! какий любезный и чаменемъ блестаетъ прекрасное лицо, на которое взираю сквозь младыя вѣтви зелеными листами обильныхъ орѣшинъ! И ты, слѣпившая гнѣздо себѣ подъ кровлею мою, щебещущая ласпичка, привѣтствуешь утро, возбудившее шебя отъ тонкаго сна твоего. Уже и ранній жаворонокъ издаешь препещущій свой го-

лось, въносясь легкимъ полетомъ въ отдаленые предѣлы яснаго воздуха. Всѣ пвари возспають отъ глухаго сна. Травы, ободренныя прохладною росою, возвышаются. Каждой цвѣтокъ является въ красотѣ обновленной. Мне кажется, что и мои сѣдины младѣютъ. Жезлъ мой, вѣрная подпора спарости моей! препроводи меня; безъ тебя не имѣю цѣлой половины силы моихъ. За симъ садикомъ, обращясь къ воспоку, я сяду и буду разсматривать зеленые злаки.

Лѣса, горы, поля необѣмлемый окомъ! сколь дивнымъ позорищемъ напаєте вы мысль мою! — Какое иѣніе потрясаешь слухъ мой? Все сіе есть гласъ щастія, гласъ благодарности. Паспры на холмѣ, птичка на вѣшочкѣ, возглашають радость, проникшую въ сердца ихъ. Скачущъ веселыя спада, на пригоркахъ зеленыхъ, на долинахъ переплетенныхъ кристальными ручейками. Быки и тучные кравы ревутъ отъ избытка удовольствія. Долго ли еще, ахъ! дол-

го ли, Творецъ мой милосердый, буду я зреТЬ дивныя дѣла Божествен-
ной руки Твоей, и пребывать свидѣ-
щелемъ Твоемъ благости ? Уже окан-
чивается девятый крестъ вѣка моего,
и се вновь вижу я насташнее по бѣлой
зимѣ обновленіе весеннее ; и когда
крылатая мысль, обозрѣвая минувшее
время жизни, постигаетъ воспомина-
ніемъ лѣща удалившіяся, и все сїе
проспранство, двумя предѣлами огра-
ниченное, измѣряетъ — проспран-
ство между мою колыбелью и гро-
бомъ — тогда открывается мнѣ не-
обозримая перспектива дней благопо-
лучныхъ. Ахъ, вѣчный Боже ! какъ
пламенѣетъ сердце мое ! Сія радость
сердечная, копорую едва можетъ вы-
ражать претыкающійся языкъ, — сїи
попоки слезъ, ліющіеся на лоно мое,
— знаю, колико суть слабы, и сколь
мала благодарность моя за всѣ щед-
рые дары, пріятые мною отъ руки
Твоей ! Излейтесь обильнымъ пото-
комъ, излейтесь очи мои ; испочайтесь
быстрые спруи свои ! Прожилъ я

шоли-

шолико лѣтъ, коихъ воспоминаніе
прѣятно; всѣ онѣ текли такъ, какъ
щечетъ роскошное лѣто. Колико дней,
шолико утѣхъ. Но есипъли когда мра-
чились онѣ смущеніемъ печали, то сіи
смущенія подобны были такимъ тучамъ,
которыя, будучи несомы вихря-
ми, скоро упражняются отъ громовъ
и молнии своихъ, поспѣшно насту-
пающи и поспѣшно удаляются, и остав-
ляютъ по себѣ чистопу въ воздухъ
и красоты въ поляхъ, обильно про-
хлажденныхыхъ. Никогда отъ зноя сол-
нечнаго неувидали расѣнія, возник-
шія отъ трудовъ моихъ. Никогда
жестокій мразъ не погублялъ привив-
ковъ моихъ и лѣтораслей. Никогда
язва не заражала дойныхъ кравъ мо-
ихъ. Никогда шерзатель волкъ, па-
лимый жаромъ алчбы, не влѣзалъ въ
хлѣвы мои, и не губилъ тучныхъ
овецъ моихъ. Никогда въ жилищѣ
моемъ не живалъ злодѣй. Все мнѣ было
успѣшно; домъ мой былъ обиленъ и
семья послушна.

Но кто можетъ изобразить радость , которую чувствовалъ я тогда , когда окружали меня дѣти мои ! Препровождая одного изъ нихъ за слабую младенческую руку , научалъ я его безопасно утверждать стопы свои . И въ то же время другой легкимъ махомъ вспрыгивалъ на мои колѣни , и съ усышкою упѣшалъ меня своимъ нѣмопствованіемъ . Взирая на нихъ , мыслилъ я самъ съ собою въ моемъ сердцѣ : доколѣ лѣта юности не раскрыли еще силъ вашихъ , доколѣ листъ вашъ мякокъ , должно имѣть о васъ попеченіе , о младые отрасли мои ! Буду охранять васъ отъ всякаго бѣдствія , обрѣзывая , очищая , поливая , покрывая и заслоняя . Вѣрю , что милосердый Богъ совершилъ мою надежду , каждого изъ васъ украситъ листами полными , даруетъ каждому споричный плодъ , и тѣнь ваша дастъ старости моей убѣжище . Мысля такъ , прижималъ ихъ къ моему сердцу , и часто обливался слезами . Теперь , когда они возрасли уже подъ

Тво-

Твоимъ попеченіемъ , о Творецъ мой !
и принесли неложный плодъ , упѣ-
шаюсь скончавшимися прудами и за-
бопами своими , и ожидаю смерти ,
приближающейся отворить мнѣ гробъ
мой . — Упѣхи мои точно такъ воз-
распали , какъ росли сіи груши , сіи
орѣхи , которые насаждалъ я въ ми-
нувшее время вокругъ моего жилища ,
для того , чтобы они были мнѣ за-
щищою отъ жара . Теперь , когда они
расширили рамена свои , имѣю въ нихъ
шѣнь лѣтомъ и плоды осенью .

Ты одна причина смущеній моихъ
и печалей , любезная супруга ! Ты
пресѣкла постоянное теченіе не-
прерываемыхъ радостей , скрывшись
на вѣки отъ очей моихъ . Помню ,
ахъ ! помню , когда при послѣднемъ из-
дыханіи положила ты голову на лоно
моё , когда я дрожащею рукою сме-
жалъ очи твои и умиралъ купно съ
тобою . Уже двѣнадцатая весна про-
шла по семъ приключеніи , и отъ то-
го времени гробъ твой орошаю сле-
зами и украшаю его двѣшами . Но ско-

ро наступитъ день благополучный,
день радостный, въ которой коспи
мои положатъ близъ твоей могилы;
и си сердца, соединенный въ жизни,
почюпъ въ единомъ гробѣ. Кто про-
ничастъ во всѣ таинства Всевышня-
го? Кто вѣдаетъ, какіе положилъ Онъ
пределы жизни человѣческой? Можетъ
быть и нынѣ (тебѣ сіе извѣсно,
безсмертный Боже!) сокрушенная ста-
ростю ладя моя спенетъ при брегѣ.
Различно приходитъ смерть; младый
можетъ, а старый непремѣнно дол-
женъ умереть. Что ни будетъ, благо-
дарю святому Промыслу, продолжив-
шему жизнь мою до сей спаси.
Сія мягкая волна власовъ, сей блескъ
млековидной брады не есть ли еще
важнѣйшее доказательство Твоей ми-
лости? Единъ принялъ богатства,
другой славное имя; наиболѣе же
тотъ, кто получилъ со здравіемъ
вѣкъ сполѣнїй. Вѣтерокъ, легкій
здесь пролетающій вѣтерокъ! ты
одинъ распѣнія колеблешь, другій
лобызаешь: не презри сей сѣдой бра-
ды,

ды , и чрезъ пріятное свое дыханіе дай
ей цѣлованіе свое , паче меда сладкое !
Лучше сія старость , сей вѣкъ убѣлен-
ный , нежели цвѣпущая юность . Да
будешъ же сей день свидѣтельствомъ
моего веселія ! Да будетъ онъ по-
чтенъ ежегоднымъ воспоминаніемъ !
Соберу окрестъ себя моихъ дѣтей ,
внуковъ и правнуковъ , и тѣхъ , кои
въ пеленахъ ; воздамъ благодареніе Бо-
гу благодѣтелю ; воздвигну изъ дерна
олшарь у прага жилища моего ; укра-
шу разноцвѣтнымъ вѣнцемъ сѣдинами
покрытое чело мое , и дрожащею ру-
кою буду бряцать на арфѣ . Всѣ спа-
немъ вмѣстѣ , и за полученные дары
воспоемъ пѣснь благодарности . По-
томъ , разсыпавъ цвѣты на сполѣ ,
вкусимъ жертвы и испїемъ старого
вина . — Сіе изрекши , старецъ воз-
вратился въ домъ , возбудить на общей
праздникѣ еще спящихъ дѣтей своихъ .
Уже и солнце явилось на горизонти ,
и куры слѣпѣли съ своихъ повѣтей .

ПИСЬМА РУССАГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА.

(Продолженіе.)

Франкфуртъ, 29 Іюля.

Ненасѣтье продолжается. Сижу въ своей горницѣ, подъ распвореннымъ окошкомъ; и хотя косой дождь мочитъ меня и разливаешь дрожь по моей внутренности, однако жь каменная Русская грудь не боится пропасты, и пышомецъ желѣзного сѣвера сминаетъ надъ слабымъ усилиемъ Майнскихъ бурь.

Но такои ли погоды ожидалъ я въ здѣшнемъ крошкомъ климатѣ? Болѣе и болѣе удаляясь отъ сѣвера, радовался я мыслю, что оспавлю за собою холодъ и сырость, и все сердитое, жестокое и угрюмое въ Нашурѣ. Тамъ, гдѣ тече Майнъ и Рейнъ, думалъ я, тамъ небо чисто, ани красны, и одни зефиры спруяютъ воздухъ; тамъ цвѣтуща Природа ликуетъ въ яркомъ свѣтѣ лучей солнца.

Ф

исч-

иечныхъ. Но — прѣезжаю, и нахожу
пасмурную осень среди лѣта. Толь-
ко я намѣренъ переупрямить погоду;
и клянусь Тиманами и спрашнымъ Спи-
кскомъ, что не выѣду изъ Франкфурта
не дождавшись ясныхъ дней.

Вчера былъ я только у Виллемера,
богатаго здѣшняго Банкира. Мы гово-
рили съ нимъ о новыхъ Парижскихъ
происшествіяхъ. Что за дѣла тамъ
дѣлаются! Думалъ ли нашъ А* (ко-
рой уѣхалъ отсюда недѣли за двѣ пе-
редъ симъ) видѣть въ Парижъ такія
сцены?

Не думайте, чтобы мнѣ скучно
было сидѣть въ своей горницѣ. Пу-
бличная библіотека въ трехъ шагахъ
отъ шракпира. Вчера я бралъ изъ
нее Флеско, Шиллерову (*) трагедію,
и читалъ ее съ превеликимъ удоволь-
ствіемъ отъ первой страницы до по-
слѣд.

(*) Шиллеръ Профессоромъ въ Енѣ. Не давно
писали въ Вѣдомостяхъ, что онъ умеръ;
но сіе извѣстіе, печальное для всѣхъ лю-
бившего его Музы, оказалось ложнымъ.

следней. Едва ли не всего более пронулютъ меня монологъ Фіеска , когда онъ , уединясь въ тихой часъ упра , размышляетъ , лучше ли ему осшаться проспымъ гражданиномъ , и за услуги , оказанныя имъ отечеству , не требовать никакой заплаты , кроме любви своихъ согражданъ , или воспользоваться обстоятельствами и присвоить себѣ верховную власть въ республикѣ . Я готовъ былъ упасть передъ нимъ на колѣни , и воскликнувъ : *избери первое !* Какая сила въ чувствахъ ! Какая живопись въ языке ! Вообще Фіеско пронулъ меня болѣе , нежели донъ-Карлосъ , хотя сего послѣдняго видѣлъ я на шеатрѣ , и хотя критика отдаецъ ему преимущество передъ первымъ . — Нынѣ читалъ я также съ великимъ удовольствиемъ Ифландовы драмы , которыхъ можно назвать прекрасными семейственными картиками , и которыхъ вѣрно полюбились бы нашей Публикѣ , если бы искусствой человѣкѣ перевелъ ихъ для Русскаго шеатра .

ВЪ одномъ шрактире со мною живѣлъ молодой Докторъ Медицины, кото-
рой вчера пришелъ ко мнѣ пить чай, и просидѣлъ у меня весь вечеръ. По его мнѣнію все зло въ мірѣ про-
исходитъ отъ того, что люди не берегутъ своего желудка. „Испорченной
желудокъ, сказалъ онъ, бываетъ ис-
точникомъ не только всѣхъ болѣзней,
но и всѣхъ пороковъ, всѣхъ дурныхъ
навыковъ, всѣхъ злыхъ дѣлъ. Отъ
чего моралисты такъ мало исправля-
ютъ людей? Отъ того, что они по-
читаютъ ихъ здоровыми, и говорятъ
съ ними какъ со здоровыми, тогда,
когда они больны, — тогда, когда бы,
вмѣсто всѣхъ словесныхъ убѣждений,
надлежало имъ дать нѣсколько приемовъ
чистильного. Безпорядокъ душевной
бываетъ всегда слѣдствиемъ пѣлесна-
го беспорядка. Когда въ машинѣ на-
шей находятся все въ совершенномъ
равновѣсіи; когда всѣ сосуды дѣй-
ствуютъ и отдаляютъ исправно разныя
жидкости; однимъ словомъ, когда вся-
кая часть отправляетъ ту должностъ,

которую поручила ей Напура: тогда и душа бываетъ здорова; что есть, тогда человѣкъ разсуждаешьъ и дѣйствуетъ хорошо; тогда бываетъ онъ иудръ и добродѣтеленъ, и веселъ и щасливъ. „ И такъ ешьли бы у Калигулы не былъ испорченъ желудокъ, то онъ не вздумалъ бы построить мосту на Средиземномъ морѣ? спросилъ я. — „ Конечно, отвѣчалъ мой Докторъ: и ешьли бы лекарь его догадался дать ему нѣсколько чистинельныхъ пилюль, то безумное предпріятіе было бы черезъ часъ осправлено. Отъ чего въ элапомъ вѣкѣ были люди и добры и щасливы? Конечно отъ того, что они, питаясь только распѣнїями и молокомъ, никогда не обременяли и не засоряли своего желудка. Наконецъ скажу вамъ, что ешьли бы я былъ Государемъ, то зелѣлъ бы всѣхъ преступниковъ, вместонаказанія, осыпалъ бы больницы и лечилъ до того, пока они сдѣлялись бы добрыми людьми и полезными гражданами. Со временемъ предложу

Публикъ свои мнѣнія и доказательства, копорыя можетъ быть сдѣлать революцію въ Философіи. Тогда вспомните, государь мой, что вы отъ меня слышали., — Я удивлялся логикѣ Господина Доктора. —

Іюля 30.

Наконецъ Франкфуртское небо перестало хмурить брови, и прояснилось во всемъ своеи проспраштвѣ. Пользуясь хорошею погодою, ходилъ я такъ много, что теперь чувствую боль въ ногахъ.

Нынѣ поутру водилъ меня практирщикъ мой по здѣшнимъ садамъ. Въ одномъ изъ нихъ встрѣтились мы съ хозяиномъ, почтенный спарикомъ м., какъ сказываютъ, очень богатымъ человѣкомъ. Узнавъ отъ моего провожатаго, что я путешесствующій иностранецъ, онъ взялъ меня за руку и сказалъ мнѣ: „Я самъ покажу вамъ все то, что можно назвать изрѣдѣніемъ въ месиѣ саду. Какова эта

места

тмная злелъ?,, — Въ жаркое время
тутъ хорошо прохладиться, опи-
чалъ я. —,, А эта маленькая бесѣдка
подъ вѣтвями каштановыхъ деревъ?,, —
Тутъ прекрасно сидѣть вечеру, ко-
гда луна покажется на небѣ, и сѣть
свой прольетъ сквозь развесистыя вѣт-
ви на землю бархатную зелень, —,, А
этотъ холмикъ?,, — Ахъ! какъ бы
я желалъ встрѣтить тутъ восходя-
щее солнце! —,, А этотъ маленькой
лѣсокъ?,, — Тутъ вѣрно поютъ ве-
сною соловьи, такъ покойно и весело,
какъ въ самыхъ дикихъ мѣстахъ При-
роды, ни мало не подозрѣвая, чтобы
сюда заманивало ихъ искусство. —
„Что вы скажете объ этомъ доми-
кѣ?,, — Онъ поспросилъ на то,
чтобъ быть жилищемъ чувствующаго
человѣка, любящаго просижку, уединеніе и шишину. —,, Теперь вамъ на-
добно согласиться выпить у меня ча-
шку кофе.,, — Мы вошли въ до-
микъ, и сѣли на деревянныхъ стуль-
ахъ вокругъ маленькаго столика.
Намъ подали кофе. Выпивъ чашку,

поблагодарилъ я хозяина за его гостепріимство, и пошелъ.

Въ ненастное время казалось мнѣ, что Франкфуртъ пустѣ; а теперь кажется, что онъ очень многолюденъ — отъ того, что въ дурную погоду сидѣли всѣ дома, кроме тѣхъ, котормыѣ уже по крайней нуждѣ надлежало корчиться подъ дождемъ и запашь ногами грязь на улицахъ; а теперь, обрадовавшись солнцу, всѣ какъ муравьи ползутъ изъ своихъ норъ.

По своей цвѣтущей и обширной коммерціи, Франкфуртъ есть одинъ изъ богатѣйшихъ городовъ въ Германіи. Кроме нѣкоторыхъ дворянскихъ фамилій, здѣсь поселившихся, всякой житель есть купецъ, то есть, производитъ какой нибудь торгъ. На всякой улицѣ множества лавокъ, наполненныхъ товарами. Везде знаки трудолюбія, промышленности (*), изобилія.

На

(*) Не можетъ ли сѣ слово означать Лапинскаго *industria*, или Французскаго *industrie*?

Ни одинъ нищій не подходилъ ко мнѣ
на улицѣ просить милосердіи.

Только не льзя назвать Франкфурта
хорошо выстроеннымъ городомъ.
Домы почти всѣ спаринные, и рас-
писаны разными красками, — что для
глазъ весьма странно.

Еще скажу то, что здѣсь въ трак-
тирахъ столъ очень хорошъ и дешевъ.
Мнѣ приносятъ всегда пять хорошо
приготовленныхъ блюдъ и еще десертъ,
на двухъ или трехъ тарелкахъ, и за
что плачу я не болѣе 50 коп. Вино
также очень дешево. Бутылка молодо-
даго рейнвейна стоитъ 10 коп. а
старого 40. —

Послѣ обѣда, когда солнце укро-
тило жаръ лучей своихъ, вышелъ я
за городъ. Сады, сельскіе домики,
луга и виноградные огороды предста-
вились глазамъ моимъ. Сколько ланд-
шафтовъ, достойныхъ кисти Сал-
ватора Розы или Пуссеневой!

Уединеннѣй домикъ съ садикомъ,
не далеко отъ большой дороги, прель-
стилъ меня, и я пошелъ къ нему по

узенькой тропинкѣ. Два мальчика, игравшіе на правѣ, бросились ко мнѣ на вспѣчу; но закричавъ: *это не онъ!* *это не Каспаръ!* побѣжали назадъ и скрылись въ домикѣ. Старое каштановое дерево призывало меня въ свою тѣнь — я сѣлъ подъ его вѣтвями. Минутъ черезъ пять мальчики опять выбѣжали, а за ними вышла женщина лѣтъ тридцать, въ большой кофточкѣ и въ соломенной шляпкѣ. Лице ея было прелестно, хотя весенний дѣвъ красоты начинай уже вянуть на щекахъ ея. Она сѣла на крыльца, и смотрѣла съ улыбкою на мальчиковъ — которые вокругъ ее прыгали — съ такою улыбкою, по которой легко было узнатъ, что она мать ихъ. Они уговорились бѣгать въ запуски; взявшись за руки, отошли отъ крыльца шаговъ тридцать, остановились, выпавили впередъ грудь и правую ногу, и дожидались, чтобы мать подала имъ знакъ. Она махнула имъ бѣлымъ платкомъ своимъ, и они пустились какъ изъ лука стрѣла. Большой одередилъ

меньшаго, прибѣжалъ къ матери, и закричавъ: я *первой!* бросилася дѣлать ес. Меньшой прибѣжалъ, и также кинулся къ ней на шею. Каکа групка! Какая прогадельная картина семейственаго щастія! Можетъ быть въ городѣ она бы меньше менѣ проинула; но среди сельскихъ красотъ сердце наше живѣе чувствуетъ все то, что принадлежитъ къ суммѣ испытаниаго щастія, влияниаго благодѣтельнымъ Существомъ въ сосудѣ жизни человѣческой. — Проспи, уединеній домикъ! Благополучіе да обишаешь въ спинахъ твоихъ! Да будетъ оно наслѣдственнымъ добромъ твоихъ обищашелей! А ты, вѣтвистое дерево! долго, долго еще принимай спранниковъ въ тѣнь свою — и подъ кровомъ шумящихъ листьевъ твоихъ да веселятся они веселіемъ девицности и добродѣтели!

Іюль 31.

Нынѣ поупру былъ я въ деревнѣ Бергенѣ, которой имя очень известно по тому, что подъ нее было въ 1759 году, 13 Апрѣля, кровопролитное сраженіе между Французами и соединенною Гановерскою и Гессенскою арміею; послѣднею коммандовалъ Брауншвейгской Принцъ Фердинандъ, а первыми, которые остались побѣдителями, Маршалъ Брольйо.

Въ здѣшней рапушѣ, называемой *Риммелинхолѣ* (Römer), показывающѣ пушечнѣнникамъ ту залу, въ которой обѣдаєтъ новоизбранной Императоръ, и гдѣ стоятъ портреты всѣхъ Императоровъ отъ Конрада I. до Карла VI. Кто не пожалѣетъ червонца, тошь тамъ же въ архивѣ можетъ видѣть и славную золотую буллу, или договоръ Императора Карла IV. съ Государственными Чинами, написанной на 43 пергаментныхъ листахъ in 4 to, и названной симъ именемъ отъ золотой печати, висящей на черныхъ и желтыхъ шелковыхъ снурѣ.

скуркахъ. На сей печати изображенъ Императоръ сидящій на тронѣ, а на другой споронѣ Римская крѣпость, или такъ называемой замокъ Св. Ангела (il castello di S. Angelo) съ словами aurea Roma (золотой Римъ), которые расположены въ трехъ линіяхъ такимъ образомъ:

{ aur
 eag {
 oma }

Я былъ и въ капедральной церкви Католиковъ, гдѣ по успаву Майнцской Архіепископъ коронуетъ избраннаго Императора. Тушь бросилась мнѣ въ глаза спашуя Маріи въ беломъ кисейномъ платьѣ. Часто лишьютъ ей обновы? спросилъ я у моего провожашаго. Изъ году въ годъ, отвѣчалъ онъ. — Хотя главная церковь въ городѣ принадлежитъ Католикамъ, однако жъ господствующая религія во Франкфуртѣ есть Лютеранская, и Католицкому Духовенству запрещено ходить въ процесіи по улицамъ. Здѣсь очень много и Реформаторовъ, по большой части Франузовъ, выгнанныхъ

мыхъ изъ отечества Людовикомъ XIV; но они не могутъ имѣть участія въ правленіи города, и даже не смѣютъ публично отправлять своего богослуженія, въ такомъ городѣ, гдѣ Жиды имѣютъ свою синагогу. Такая непривыкость конечно не служитъ къ чести Франкфуртскаго Правительства.

Жидовъ считается здѣсь болѣе 7000. Всѣ они должны жить въ одной улицѣ, которая такъ нечиста, что не льзя идти по ней не зажавъ носу. Жалко смотрѣть на сихъ нещастныхъ людей, споль униженныхъ между человѣками. Плачъ ихъ состоится по большой части изъ засаленныхъ лоскутковъ, сквозь которые видно нагое тѣло. По воскресеньямъ, въ топъ часѣ, когда начинается служба въ Христіанскихъ церквяхъ, запираютъ ихъ улицу, и бѣдные Жиды какъ невольники сидятъ въ своей клѣткѣ до окончанія службы; и на ночь запираютъ ихъ такимъ же образомъ. Сверхъ сего принужденія, еспѣли случится въ городѣ пожаръ, то они обязаны везти туда воду и тушить огонь.

Ме-

Между Франкфуртскими Жидами есть и богатые; но сии богатые живутъ по большой части такъ же нечестно, какъ бѣдные. Я познакомился съ однимъ изъ нихъ, и припомъ очень умнымъ человѣкомъ. Онъ привлѣсъ меня къ себѣ, и принялъ очень учтиво. Молодая жена его, родомъ Француженка, говорить очень хорошо и по-Французски и по-Нѣмецки. Съ удовольствіемъ провелъ я у нихъ около двухъ часовъ; но только въ сїи два часа не вытерпѣло мое обиженіе!

Мнѣ хотѣлось видѣть ихъ синагогу. Я вошелъ въ нее какъ въ мрачную пещеру. Богъ Израилевъ, думалъ я, Богъ народа избраннаго! здѣсь ли должно покланяться Тебѣ? Слабо горѣлъ свѣтильники въ обремененномъ гнилостию воздухѣ. Уныніе, горесть, страхъ, изображались на лицахъ молящихся; нигдѣ не видно было умиленія; слеза благодарной любви ни чьей ланиты не орошала; ни чей взоръ въ благоговѣйномъ восхищеніи не обращалъ.

щался къ небу. Я видѣлъ передъ со-
бою преступниковъ, съ трепетомъ
ожидающихъ приговора къ смерти, и
едва дерзающихъ молить судю своего
о помилованіи. „За чѣмъ вы пришли
,, сюда ? (сказалъ мнѣ тогда умной
„ Жидъ, у котораго я былъ въ го-
,, спляхъ) Пощадите насъ ! Нашъ
,, храмъ былъ въ Іерусалимѣ : памъ
„ Всевышній благоволилъ являться сво-
,, имъ избраннымъ. Но разрушенъ
,, храмъ великолѣпной, и мы, разсѣян-
,, ие по лицу земли, приходимъ сю-
,, да сѣповать о бѣдствіи народа на-
,, шего. Оспавьте насъ ; мы представ-
,, ляемъ для васъ нечальную карти-
,, ну. „ — Я не могъ отвѣтить ему
ни слова ; пожалъ руку его, и вышелъ
изъ.

Давно уже замѣчено, что общее
бѣдствіе соединяетъ людей тѣснѣй-
шимъ союзомъ. Такимъ образомъ и
Жиды, гонимые рокомъ и угнетенные
своими сочеловѣками, находятся другъ
съ другомъ въ тѣснѣйшей связи, не-
жели мы торжествующіе Христіане.

Я хочу сказать, что въ нихъ видно
больше духа общественности, нежели
въ другомъ народѣ. Жидъ, въ раз-
драниномъ рубищѣ, пришелъ ко мнѣ
нынѣ поутру съ разными бездѣлками.
У меня сидѣлъ Докторъ Н*. Не по-
купайше ничего у Жидовъ, сказалъ
онъ мнѣ: изъ нихъ рѣдкой не обмань-
щикъ. „Не правда, государь мой! оп-
ѣчалъ съ жаромъ Израильянинъ: мы
не бесчестнѣе Христіянъ.“ Сказалъ,
и съ сердцемъ ушелъ изъ горницы.
Вчера же зашелъ я къ одному Жиду,
для того, чтобы размѣнять у него
несколько червонцевъ на Француз-
скіе шалеры. На сполѣ у него лежала
развернутая книга, *Мендельсонъ об
Иерусалимѣ*. Мендельсонъ былъ великой
человѣкъ, сказалъ я, взявъ книгу въ ру-
ки. „Вы знаете его?“ (спросилъ онъ
у меня съ веселою улыбкою) Знаете и
то, что онъ былъ одной націи со
миною, и носилъ такую же бороду, какъ
я?.. Знаю, опѣчалъ я, знаю. Тутъ
Жидъ мой бросилъ на сполѣ шалеры, и
началъ мнѣ хвалить Мендельзона съ жа-

ромъ и восхищениемъ, и заключилъ свою хвалу повторенiemъ, что сей великой мужъ, сей Сократъ и Платонъ нашихъ временъ, былъ Жидъ, былъ Жидъ! — Здѣшніе Актеры недавно представляли Шекспирову драму, *Венецианскаго Купца*. На другой день Франкфуртскіе Жиды прислали сказать Директору Комедіи, что ни одинъ изъ нихъ не будетъ ходить въ Театръ, еспѣли сїя драма, въ которой обругана ихъ нація, будетъ представлена въ другой разъ. Директоръ не захотѣлъ лишиться части своего сбора, и отвѣчалъ, что она будетъ выключена изъ списка пїесъ, играемыхъ на Франкфуртскомъ Театрѣ.

Августа 8.

Отсюда двѣ дороги въ Страсбургъ: черезъ Дармштадтъ, Гейдельбергъ и Карлсру, или черезъ Фальцъ. Ишу и другую мнѣ хвалили: я избираю послѣднюю. Но какъ мнѣ хо-

шлось видѣть Штарка, придворнаго Дармштадтскаго Проповѣдника, то я нынѣ поутру наялъ себѣ лошадь и воѣхалъ въ Дармштадтъ верхомъ. И съ этой стороны окрестности Франкфуртскія очень пріятны; но далѣе къ Дармштадту (о котораго счишаєтся отъ Франкфурта при милѣ) мѣста уже не такъ хороши. Дорога индѣ очень песчана, индѣ очень выбита — и потому я еще болѣе утвердился въ своемъ намѣреніиѣхать черезъ Фальцъ. Деревни, которыя попадались мнѣ въ глаза, всѣ хорошо выстроены, и вездѣ находилъ я трактирь подъ разными, отчасти странными вывесками. На послѣдней милѣ къ Дармштадту начинается очень хорошая мостовая. Тутъ открылся мнѣ и городъ, лежащий близъ покрытыхъ лѣсомъ горъ, и представляющій въ семъ разстояніи очень изрядную картину.

Остановясь въ трактирѣ, послалъ я слугу съ письмомъ къ Штарку, а самъ бросился на кресла от-

дыхать ; но черезъ нѣсколько ми-
нутъ позвали меня обѣдать. Въ спо-
ловой комнатѣ нашелъ я человѣкъ
восемь , порядочно одѣтыхъ. Въ
томъ числѣ былъ одинъ путешесствую-
щий Французъ , для котораго над-
лежало всѣмъ говорить по-Француз-
ски. Молодой человѣкъ , пріѣхавший
изъ Стразбурга , подробно рассказы-
валъ намъ , какимъ образомъ за нѣ-
сколько дней передъ симъ бунтовалъ
тамошній народъ ; но по-Французски
говорилъ онъ такъ худо , что тру-
но было отъ смѣха удержаться —
на примѣръ : *ильз-онѣ дешире ла*
тезонѣ де виль ; ильз-онѣ бриле (brûlé)
ле докиманѣ (les documents) ; иль вуле
бандрѣ (pendre) ле машистра (ma-
gistrats). — Тутъ слуга принесъ мнѣ
печальную вѣсль , что Шпарка нѣшѣ-
въ Дармштадтъ : онъ уѣхалъ къ водамъ
въ Швальбахъ . „ Господинъ Проповѣд-
никъ былъ очень боленъ , сказалъ си-
дѣвшій подлѣ меня человѣкъ : Берлин-
цы зажгли въ немъ кровь , и наши Ме-
дики съ трудомъ могли неспушиТЬ

пожаръ (*).,, Отъ всего сердца жалѣю о Штаркѣ. Дорога человѣку добрая слава — и съ какимъ легкомысліемъ похищаемъ мы другъ у друга сїе сокровище! О Шекспиръ, Шекспиръ! кто зналъ такъ хорошо сердце человѣческое, какъ ты ? Кто убѣдительнѣе твоего представилъ все безумство злословія?

Good name in man and woman dear my Lord,
Is the immediate jewel of their souls.
Who steals my purse, steals trash ; 'tis something, no
thing ;
'Twas mine, 'tis his, and has been slave to thousands ;
But he, that fitches from me my good name,
Robbs me of that, which not enriches him,
And makes me poor indeed (**).

X 3

Зла

(*) О ссорѣ Штарка съ Берлинцами упомянуто было въ письмахъ Русск. Путешественника, въ Маршѣ мѣсяцѣ въ Москов. Журнале, епарн. 344.

(**) Т. е. „Доброе имя есть первая драгоцѣнность души нашей. Кто крадешь у меня кошелекъ, крадешь бездѣлку; опъ былъ мой, теперЬ сдалъ его, и прежде служилъ тысячи другихъ людей. Но кто похищашъ у меня доброе имя, тошь самъ же обогащающся, а меня дѣлающъ бѣднѣющими человѣкомъ въ свѣтѣ. ,,

Златые Пиѳагоровы стихи ~~кажущая~~
изданными подъ сихъ строкъ, ко-
рыя вся кому человѣку, Христіанину
и Турку, Индійцу и Африканцу,
надлежало бы вписать незагадыми
буквами въ свое — сердце.

Я видѣлъ въ Дармштадѣ такъ
называемой *домъ экзерции*, въ ко-
торомъ можетъ учиться цѣлой полкъ,
и въ кошоромъ хранился множество
всякаго оружія; погулялъ въ большомъ
придворномъ саду; походилъ по го-
роду, въ которомъ счищается не
болѣе 500 домовъ; по томъ сѣлъ на
своего коня и поѣхалъ назадъ во Франк-
Фуртъ.

Два раза былъ я въ здѣшнемъ
Театрѣ; но въ оба раза, къ неудоволь-
ствію моему, играли очень неважныя
Французо - Нѣмецкія комедіи. Вни-
маніе мое занимали болѣе зрители,
нежели актеры; а замѣтилъ я только
то, что молодыя люди здѣсь хорошо
одѣваются, и приходятъ въ Театръ

ле шумъша, а слушать пѣссы, или зѣвать.

Майнцъ, 2 Августа.

Нынѣ въ шесть часовъ по полудни прѣхалъ я въ Майнцъ въ дилижансѣ или въ почтовой каретѣ, въ которой поѣду до самаго Страсбурга.

Какая гладкая дорога отъ Франк-Фурта до Майнца! Какіе пріятные виды! Какія прекрасныя мѣста! Приближаясь къ Майнцу, увидалъ я на лѣвой споронѣ величественной Рейнѣ и тихой Майнѣ, текущіе почти рядомъ; а на правой виноградные сады, кото-рыхъ не льзя обнять глазами. Любезные друзья! какъ радосно билось мое сердце! Рейнъ, Рейнъ! наконецъ вижу шебя (думалъ я) — вижу, и благословляю царя водъ Германскихъ въ гордомъ его шененїи!

Майнцъ лежитъ на западномъ берегу Рейна, гдѣ впадаетъ въ него Майнѣ. Въ городѣ улицы узки, хорошихъ домовъ очень мало, церквей,

и монастырей и монаховъ множествомъ. — „Угодно ли вамъ видѣть кишкы Св. Бонифація, которыя хранятся въ церкви Св. Иоанна? спросилъ у меня съ важнымъ видомъ паемной слуга. Нѣтъ, другъ мой! отвѣчалъ я: хотѧ Св. Бонифацій былъ доброй человѣкъ и обратилъ въ Христіянство Баварцевъ, однако жъ кишкы его не имѣють для меня никакой прелести. Поведи меня лучше за городъ. — Мы вышли съ нимъ за городскія ворота. Я сѣлъ на берегу Рейна, и видѣлъ въ его водахъ вечерній лучъ солнца и карпину зеленыхъ береговъ.

Возвращаясь въ трактиръ, ужиналъ я за общимъ столомъ съ путешесственниками разныхъ земель. Всѣ пили рейнвейнъ какъ воду. Я потребовалъ у трактирщика бутылку Гохтеймского вина, и припомъ самаго стараго, какое только есть у него въ погребѣ. Надобно знать, что Гохтеймское почитается самымъ лучшимъ изъ всѣхъ Рейнскихъ винъ. „Вы конечно поблагодарите меня за запомъ

акштаръ (сказалъ мнѣ услугливой трактирщикъ, ставя передо мною бутылку): я **получилъ** его въ наслѣдство отъ отца моего, котораго уже тридцать лѣтъ нѣтъ на свѣтѣ., Въ самомъ дѣлѣ вино было очень хорошо, и равно пріятно для вкуса и обоняния. Мысль, что пью рейнвейнъ на берегу Рейна, веселила меня какъ ребенка. Я наливалъ, пѣнилъ, любовался свѣтлоспію вина, подчивалъ сидѣвшихъ подлѣ меня, и былъ доволенъ какъ царь. Скоро бутылка опорожнилась. Трактирщикъ увѣрялъ меня, что у него есть еще прекрасное Костгеймское вино, полученное имъ также въ наслѣдство отъ отца его, котораго уже тридцать лѣтъ нѣтъ на свѣтѣ. Вѣрю, что оно дѣлаетъ честь имяти покойника, сказалъ я, — всталъ и пошелъ въ свою комнату.

Мангеймъ, 3 Августа.

Нынѣ рано поутру выѣхалъ я изъ Майнца въ большой почтовой каретѣ съ пятью товарищами, и по за-

падному берегу Рейна, черезъ Оппенгеймъ и Вормсъ, прѣхалъ въ Мангеймъ въ семь часовъ вечера.

Сю верхнюю часть Германіи можно назвать земнымъ раемъ. Дорога гладка какъ сполъ — вездѣ прекрасныя деревни — вездѣ богатые виноградные сады — вездѣ плодами обремененные деревы — груши, яблоки и грецкіе орѣхи распуштъ на дорогѣ (зрѣлище, въ воспорѣ приводящее съвернаго жителя, привыкшаго видѣть печальныя сосны и попомъ поливаѣмыя сады, гдѣ Аргусы съ дубинами споятъ на караулѣ!) И между сими-то щедрыми долинами мчится почтенной, винородной Рейнъ, неся на волнистомъ хребтѣ своемъ благословенные плоды своихъ береговъ, возвеселяющіе бѣднѣйшія, отдаленныя спраны.

Но гдѣ бѣдствіе не посѣщаетъ отъ женъ рожденыхъ? Гдѣ небо грозными тучами не покрывается? Гдѣ грозы Божественнаго гнѣва не извѣстны слуху смертнаго? Гдѣ слезы горести же лютятся? Здѣсь лютится онъ, и ж

видѣлъ ихъ — видѣлъ поску поселеніе нещастныхъ. Рейнъ и Неккеръ, наполнившись отъ дождей, яростно разлили воды свои и опоили сады, погнали и самыя деревни. Здѣсь неслась часть разрушившагося домика, гдѣ обитали передъ тѣмъ покой и довольствие — тутъ мрачная волна мчала запасъ осторожнаго, но тщетно осторожнаго поселенца — тамъ възвѣла бѣдная блеющая овца. Мы должны былиѣхать по водѣ, которая въ иныхъ мѣстахъ вливалась къ намъ въ карешу. Но самое сїе наводненіе возвышало великолѣпіе вида, открывшагося намъ при вѣзѣ въ длинную алею, версты за три до Мангейма — алею, кото-рая, будучи облита водою, казалась постомъ. —

Въ Оппенгеймѣ, Курфальцскомъ городѣ, мы завтракали и пили славное Ниренштейнское вино, которое однако же показалось мнѣ не такъ хо-рошо, какъ Гохгеймское. — Противъ Оппенгейма, на другой сторонѣ Рейна, стоятъ высокая пирамида, а на ней левъ,

левъ, держащій въ правой лапѣ большою мечь. Шведской Король, Густавъ Адольфъ, поставилъ сей памятникъ, въ 1631 году перешедши съ своею арміею черезъ Рейнъ, разбивъ Гишпандевъ и взявъ Оппенгеймъ.

Въ Вормсъ достойна примѣчанія шаринная ратуша, въ которой Императоръ Карлъ V со всѣми Имперскими Князьями судилъ Лютера въ 1521 году. И по сїе время показываютъ тамъ лавку, на которой лопнуль спаканъ съ ядомъ, для него приготовленнымъ. Путешественники спрѣзываютъ по кусочку отъ этого яѣста, гдѣ будто бы спояла сїя справа, и почти насквозь продолбили доску.

Мангеймъ есть прекрасной города. Улицы совершенно регулярны, и перерѣзываютъ одна другую прямыми углами, что для глазъ — по крайней мѣрѣ при первомъ взорѣ — очень пріятно. Ворота Рейнскія, Неккерскія и Гейдельбергскія украшены барельефами, хорошо выработанными.

Въ разныхъ мѣстахъ города есть пло-
щади, окруженыя большими домами.
Дворецъ Курфирста построенъ на
томъ мѣстѣ, гдѣ Неккеръ сливается
съ Рейномъ. — Естьли бы я не по-
ропился въ Швейцарію, то остался
бы здѣсь на нѣсколько недѣль: такъ
полюбился мнѣ Мангеймъ!

Мангеймъ, Августа 4.

Въ Академїи Скульптуры видѣлъ
я собраніе спашуй, и между ими са-
мая вѣрнѣйшія копіи славныхъ Бель-
ведерскихъ антиковъ. Надобно удив-
ляться древнему искусству, кото-
рое умѣло влагашь душу въ мраморъ,
и припомъ прекрасную душу. Мѣ-
ся восхищеніемъ говорилъ намъ о Лао-
коонѣ: я видѣлъ сюю группу, одинъ изъ
прекраснѣйшихъ памятниковъ Гречес-
каго художества, и естьли не вос-
хищался, то по крайней мѣрѣ любо-
вался ею около часа. Думаютъ, чѣмъ
Виргилиево описаніе нещастнаго Лао-

кононова конда (*) взято съ сей группы, которую почишаютъ произведениемъ Фидіасова рѣзца; по крайней мѣрѣ она его достойна. Плиній пишетъ, что онъ видѣлъ ее во дворѣ Императора Тиша (**); и такъ можетъ быть, что она уже и въ Виргиліево время была въ Римѣ. Только Позже удалился отъ художника. Онъ описываетъ послѣдственное или разновременное дѣйствіе (*action successive*), а художникъ представилъ — и по законамъ необходимости долженъ былъ представить — купное или единовре-

(*) Лаокоонъ, братъ Анхизовъ, былъ въ Троѣ Нептуновымъ Священникомъ (*Laocoön ductus Neptuno sorte sacerdos. Virg. A. n. II, 201*) и не хотѣлъ допустить, чтобы Троице приняли въ городъ деревянную лошадь, въ которой скрывались Греческіе воины; но боги, опредѣливши погибель Трои, наказали его за сие сопротивленіе ужаснѣшими образомъ. Вдругъ вышли изъ моря двѣ страшныя змѣи, бросились на него, приносившаго жертву, и пожрали его вмѣстѣ съ двумя юными сынами.

(**) Кн. 36, гл. V.

временное (action simultanée). ВЪ спи-
хахъ Виргиліевыхъ змѣи расперзали
прежде двухъ сыновъ Лаокооновыхъ,
а по томъ уже его самого, бросивша-
гося на помощь къ своимъ дѣшамъ; но
Фидіасъ соединяетъ сїи два момента
(*), и драконы схватываютъ у него вмѣ-
шъ и отца и дѣшей. Виргиліево опи-
саніе конечно хорошо; но оно есть
самая сухая исторія прошивъ Фидіа-
совой поэмы — такъ по справедливо-
сти можно назвать его прогапельную
группу, въ которой видимъ сильное и
стройное воображеніе, необыкновенную
чувствительность и великое искусство
художника, находишь и показывать
изящное въ самомъ ужасномъ и возмущи-
тельномъ. Лаокоонъ его есть совершен-
нейшая форма человѣческаго тѣла; онъ
представлень спарцемъ, но спарцемъ
величественнымъ и, можно сказать,
пре-

(*) Здѣсь бы можно было сказать по-Руски
два времена; но, съ позволенія Гг. Пур-
сповъ, оставляю въ шекспѣрѣ иностранные,
въ семъ смыслѣ болѣе Русскаго извѣдшіе
слово.

прекрасныиъ. Физическая боль выражена живо ; но она смягчается и дѣлается прогащельною, мѣшаясь съ горестю нѣжнаго опца, видящаго погибель своихъ дѣтей. Онъ съ двухъ разныхъ сторонъ бросаються къ нему [думая, по своей невинности, что подъ родителями нѣтъ для нихъ опасности]; но лютыя чудовища вокругъ ихъ ожививаются — меньшой [керпва, тѣмъ прогащельнѣшия!] пожираемъ змѣю, а другой спасается только запутанной въ пепляхъ хребта драконова. Сей самой драконъ терзаетъ и Лаокоона, которой жаждетъ силившись отъ него освободиться и разорвать на шеѣ пеплю, его жмущую. Успа его готовы испустить вопль [у Виргилія вопль его до звѣздъ возносится] — но геройская твердость сжимаетъ ихъ. Однимъ словомъ, кто можетъ смотрѣть на сю группу съ холоднымъ сердцемъ, тотъ носитъ въ груди своей весь ледъ сѣвера, и происходитъ отъ ненавистнаго богамъ похолѣнія. —

(Продолженіе впередъ.)

VIII.

ПОСВЯЩЕНИЕ КУЩИ.

Прекрасная, въчноюная, многообразная, крылатая богиня, цвѣтущая Флантазія! сю мрачную, уединенную, безмолвную кущу, — окропляемую лѣнистымъ ручьемъ, съ гранишнаго утеса ниспадающимъ; — посвящаю тебѣ, божественная!

Здѣсь, удалясь отъ всего міра, буду я сидѣть въ молчаніи, и съ крошкимъ препешаніемъ сердца внимать шуму приближающагося швоего полета. Во всякомъ образѣ будешь мнѣ пріятна: погда ли, когда, одѣянная покровомъ златодвѣшнымъ, предстанешь мнѣ съ солнечнымъ лицемъ торжествующей Добродѣтели; или, увѣнчанная благовонными мирпами и подпирайась лилейнымъ стеблемъ, явишься въ образѣ нѣжноулыбающейся Горы (*); или когда въ вихрѣ и въ бурѣ, съ власами распущенными, съ

Ц

ли-

(*) Римская богиня красо́ты.

лицемъ блѣднымъ, съ очами огненными, съ обнаженною грудью, примчишься отъ снѣжной вершины сѣдаго Кавказа, гдѣ внимаешь ты воплю окованнаго Прометея (*), хищною птицею безпреспанно терзаемаго, и вмѣстѣ съ Океанидами (**) клянущаго жестокость безчеловѣчнаго, неблагодарнаго Юпитера; или когда, въ тишину ночную, въ видѣ сѣпующей Ніобы (**), медленно ниспусшишься на гробъ моего Агапона, спящаго сномъ смертнымъ

(*) Прометей, какъ извѣстно, былъ сынъ Титана Япеша. Юпитеръ, озлобясь на него за то, что онъ образовалъ богамъ подобнаго человѣка, велѣлъ приковать его къ Кавказу, и послалъ къ нему коршуна, которой безпреспанно терзалъ его печень. Сей жестокой языческой богъ забылъ, что Прометей помогалъ ему мудрыми совѣшами во время войны съ Тиранами.

(**) Дочери Океановы, бравшія участіе въ жалостной судьбѣ Прометея.

(***) Супруга Амфіонова. Когда Аполлонъ и Диана умершили дѣшей ея, то она о смерти ихъ столько печалилась, что ма- конецъ превращилась въ камень,

кимъ предъ отверстиемъ сей кущи, и
опершись на хладный камень, луною освѣ-
щаемый, воззришь на меня очами сле-
зящими, и помною рукою разсыплемъ
по могилѣ цвѣты печального воспоми-
нанія; а нёмоны съ гіацинтами ().

Благодѣтельная богиня, упѣши-
шельница человѣковъ! ты снимаешь
цѣпи съ невольника, на Африканскомъ
берегу спасающаго, и на быстрыхъ
крыльяхъ своихъ переносишь его въ
дражайшее отчествѣ; въ нѣдра мила-
го семейства; ты прикосновеніемъ ро-
зовыхъ перстовъ своихъ превращаешь
свинцовое бремя жизни въ легкое, зе-
фиromъ несомое перо, и Гиметскимъ
медомъ (**) усмѣщаешь горесть слезъ,

II 2

(*) Анесонъ напоминаетъ нещастную кончину Адонисову, а гіацинтъ безвременную смерть любимца Аполлонова, называвшагося симъ именемъ.

(**) Гимешской медъ почি�тался у древнихъ Грековъ самымъ лучшимъ. Пчелы горы Гимеса писали Юпищера въ его младенческв.

броливаемыхъ сиропою ; ты , единъ
нымъ махомъ крыла своего , возносиша
послѣдняго изъ пастуховъ на тронъ
Царскій , и предъ повелительнымъ взо-
ромъ его преклоняешь выю цѣлыхъ
народовъ .

Но кто исчислишъ твои образы ?
Кто исчислишъ твои дѣйствія , хра-
мовъ и олтарей достойная ?

Сія уединенная куща (ибо ты
любишь уединеніе) да будетъ храмомъ
твоимъ , усладительница моей жизни ;
цвѣтущая Фантазія !

IX.

ПАРИЖСКИЕ СПЕКТАКЛИ ;

и ли

О новыхъ драматическихъ пїесахъ ,
представленныхъ на Парижскихъ
Театрахъ въ нынѣшнемъ году .

La Liberté conquise , прозаическая
Драма въ пяти дѣйствіяхъ , играемая
на Театрѣ Национальномъ , по сїе вре-
мѧ восхищающа зрителей . Въ ней пред-
спас-

справляется народное смятение, взятое
Баспилли и прочее, что мо-
жетъ быть интересно для одной Па-
рижской Публики. На семъ же Те-
атрѣ играютъ еще двѣ новыхъ Коме-
діи: *le Mari Directeur*, и *M. de Crac dans
son petit Castel, ou les Gascons.* Въ пер-
вой представленъ одинъ деревенской
Меръ, который, желая пошушить
надъ своею женою, приходитъ къ ней
въ плащъ Бернардина. Жена, принявъ
его за подлиннаго монаха, каепся и
признается ему, что у нее было трое
любовниковъ: Офицеръ, судья . . .
Тутъ вспревоженной мужъ невольнымъ
движеніемъ открываетъ себя. Жена
сперва было испугалась; но по томъ
оправляется и продолжаетъ . . . Третій
любовникъ былъ монахъ. Мужъ ея сбра-
сываетъ съ себя монашеское плащъ;
но она, ни мало не замѣшившись, до-
казываетъ ему, что онъ самъ и Офи-
церъ и судья и монахъ, и что она
только объ немъ говорила. Нѣкото-
рыя забавныя шутки поддерживаютъ
ею піесу, впрочемъ весьма не важ-
ную.

ную. — Другая Комедія сочиненіѧ Авторомъ Оптимиста. Г. Кракъ есть превеликой Гасконской хвастунъ. Къ нему прїезжаетъ сынъ, котораго онъ не узнаетъ, не видавъ его нѣсколько лѣтъ. Сей сынъ старается еще перешеголяшь въ хвастовствѣ своего дражайшаго родителя, и бѣситъ любовника сестры своей, притворяясь въ нее влюбленнымъ. Наконецъ онъ открываетъ, и пїеса кончается очень весело.

На Италіянскомъ Театрѣ заслужили одобрение Публики три новыхъ пїесы: J. J. Rousseau *à ses derniers moments*, *Paul & Virginie*, и *le Convalescent de qualit *. Первую справедливѣ можно назвать интересною картиною, нежели драматическимъ сочиненiemъ. Авторъ представилъ чувствительность Философа Руссо, которой, не за долго до своей смерти, отдаетъ половину своего годового дохода одной бѣдной Фамиліи, и не хочетъ, чтобы кто нибудь зналъ о семъ. Все, что напоминаетъ сего великаго Сочинителя, пріятно Франузамъ; и потому сїа пїеса

пїеса прията была съ громкимъ рукоплесканіемъ. Она сочинена Гм. Бульи, Авторомъ *Petra Vеликаго* (*). — Кто не знаетъ *les Etudes de la Nature*? И кто въ семъ сочиненіи Господина Бернарденъ-де-Сенъ-Пьера могъ читать безъ слезъ прекрасную вводную повѣсть, подъ титуломъ *Paul & Virginie*? Изъ нее сочинилъ неизвѣстной Авторъ Мелодраму его имени, весь на прогащельную. Павелъ и Виргинія были воспитаны вмѣстѣ на одномъ Африканскомъ островѣ, и со младенчества любили другъ друга. Виргинія принуждена былаѣхать во Францію къ своей богатой родственницѣ, и разстаться съ матерью и любезнымъ Павломъ; но скоро, къ ихъ радости, она возвращается. Корабль, везущій ее изъ Европы, приближается

Д 4

къ

(*) Драма съ пѣснями, которую видѣлъ я въ Парижѣ на Италіянскомъ Ташрѣ, и въ которой Гж. Дюгазонъ очень прогащельно представляетъ Екатерину. Впрочемъ сю пїесу можно назвать *шольдо изрядкою*. — К.

къ острову; уже взоры ея ищутъ тѣхъ, о которыхъ столько времени послало ея сердце; уже Павелъ бѣжитъ встрѣтить ее на берегъ... но вдругъ подымается буря и разбиваешь корабль — Виргинія проспираетъ руки къ своему любезному, и въ волнахъ скрывается. — Холодной и строгой Кристикѣ можетъ сказать, что первой актѣ совсѣмъ не связанъ съ главнымъ дѣйствіемъ пїесы; трудно также повѣришь тому, чтобы матери любовниковъ, жившіи 14 лѣтъ вмѣстѣ, не рассказали еще другъ другу всѣхъ своихъ нещастій, которыхъ зритель узнаетъ опѣ ихъ во второмъ дѣйствіи. Но видя сю Мелодраму въ представлѣніи, не лъзя чувствовать въ ней сего порока: столько въ ней прекраснаго, столько прогащеннаго! А особенно въ третьемъ актѣ, когда Виргинія упоаетъ, и когда любовникѣ ея великодушно рѣшился жертвовать своею жизнью для ея спасенія. Сія сцена раздираетъ сердце. Въ музыкѣ также очень много хорошаго. То, что поетъ Виргинія, за-

жарчение втораго дѣйствія и буря, были отмѣнно одобрены знапоками. — Авторъ третьей пїесы есть Г. Фабръ д. Егланпинъ. Одинъ знапной человѣкъ былъ боленъ подагрою, которую усиливалъ онъ безпрестаннымъ своимъ сердцемъ. Докторъ, взявшиъ его вылечить, послалъ его въ 1788 году въ отдаленную деревню, лежащую у подошвы горъ, и не велѣлъ ему ни съ кѣмъ имѣть сообщенія, выключая своего повѣреннаго, которои, способствуя скорѣйшему его излеченію, говорилъ только ему угодное. Революція сдѣлалась; онъ не знаетъ обѣ ней ни слова, и возвращающіяся въ Парижъ, когда его мамъ совсѣмъ не ожидали. Вообразите его удивленіе: всѣ перемѣняютъ съ нимъ обхожденіе; всѣ говорятъ съ нимъ новымъ тономъ — а какъ никто не подозреваетъ, чтобы проишедшая перемѣна были ему неизвѣстны, то долгое время оспаешь онъ въ невѣдѣнїи. Одинъ богатой мѣщанинъ приходитъ сватать дочь его за своего сына, ее любящаго и ю любимаго. Знапной господинъ хо-

честъ приказать слугамъ своимъ выбросить мѣщанина въ окошко; пишеть письмо къ Lieutenant de Police, и требуетъ у него lettre de cachet, чтобы и отца и сына посадить въ Бастилію; бранитъ дочь свою за то, что она полюбила мѣщанина и даже вздумала выйти за него за мужъ. Сей Г. Маркизъ долженъ 200 тысячъ ливровъ. Заемодавецъ требуетъ ихъ; но онъ, чтобы его удовольствовашъ, обѣщаешь сыну его прибыльное мѣсто при откупахъ, племяннику Пріорство, а дочери пенсію на лунной сѣтѣ (*). Заемодавецъ, не слушая сихъ химерныхъ обѣщаній, требуетъ только платежа, и не получивъ его, испрашивашъ повелѣніе взять подъ стражу своего должника, которой никакъ не ожидалъ сего, надѣясь на кредитъ свой

(*) Sur le clair de la Lune. Во время лунного сиянія Парижскія улицы по ночамъ не освѣщались; деньги, опредѣленные на освѣщеніе, освѣщались — а изъ сей суммы давали пенсіи.

свой въ Парламентъ. Наконецъ приходитъ Докторъ, и объясняетъ все своему больному, которой спасть болѣнїе прежняго. Между тѣмъ богатой мѣщанинъ покупаетъ долгъ Маркизовъ, въ присутствіи его уничтожаетъ всѣ обязательства, и проситъ только того, чтобы онъ выдалъ дочь свою за его сына. Представляютъ жениха, и Маркизъ вдругъ рѣшился признать его своимъ зятемъ, увидѣвъ на немъ мундиръ національной гвардіи съ двумя эполетами: онъ почитаетъ его Полковникомъ.

(Продолженіе спредъ.)

X.

О ИНОСТРАННЫХЪ КНИГАХЪ.

Voyage du jeune Anacharsis en Grèce, &c. Т. е.
Путешествие Анакарсиса по Греции.

(Окончаніе.)

Въ началѣ шестаго тома сообщаютъ Авторъ исторію славнѣйшихъ Поэтовъ: Фесписа, Эсхила, Софокла, Эврипида, Аристофана, Эвклида.

са и пр. По томъ говоритъ онъ о механической части Театра, о представлениі піесъ, о маскахъ, о хорахъ, о театральныхъ законахъ. Наконецъ сообщаєтъ нѣкоторые разговоры о свойствѣ, предметахъ и сочиненіи Трагедіи и Комедіи. Правда, мы нашли здѣсь не много новаго. Въ послѣднихъ разговорахъ (или, по его, бесѣдахъ) предлагаются правила извлеченные (и припомъ не съ надлежащею точносшю) изъ Аристопелевой Позитики. Нѣкоторымъ изъ сихъ правилъ придаєтъ онъ еще большую строгость. Такъ на пр. думаетъ онъ, согласно съ ле-Боссю, что Аристопель подъ единство мѣрѣни разумѣлъ только одинъ день, а не 24 часа. Впрочемъ въ главномъ сей Французской Скиѳ довольно безприспрашенъ. Онъ не увеличиваетъ и не уменьшаетъ достоинства Софоклова и Эврипидова. Ему не нравится слѣпая судьба въ Греческихъ Трагедіяхъ, и онъ хвалишъ только тѣ приключенія, въ которыхъ самъ Герой содѣйствуетъ. Охуждая погрѣш-

мости Аристофановы, признаемъ
онъ его таланты. Только иногда Ав-
торъ нашъ бываетъ слишкомъ раз-
борчивъ, на пр. въ крипикѣ на Анти-
гону. — Въ сю Исторію Театра, ка-
жется, можно бы было помѣстить
нѣкоторые, въ разныхъ Писателяхъ
разсѣянные анекдоты; на пр. что
Альцибіадѣ унялъ дерзость Эвполи-
сову въ Комедіи; что Аѳиняне, по сло-
вамъ Плутарха, на представленіе ше-
сти Драмъ издержали болѣе, нежели
на всю Пелопонесскую войну; что Ли-
зандеръ, сей дикой Спартанецъ, при-
осадѣ Аѳинѣ почелъ за священныи
долгъ оказать честь погребенія
Софоклу. Однако жъ несправедливо буде-
тъ обвинять Автора, которой *столько*
собралъ, тѣмъ, что онъ *не все со-*
бралъ. — Анахарсисъ (спр. 196)
идетъ въ Азіатскую Грецію, и описы-
ваетъ главныя доспопамятности хіоса,
Кумы, Эфеса — коротко сказать,
всѣ примѣчанія достойнѣйшія колоніи
и сопѣдственныя острова: Родосъ,
Критъ, Самосъ, Делосъ и пр. Не

льзя намъ сообщить здѣсь полнаго извлеченія ; замѣтишь только , что насъ въ членіи остановило . На стран . 217 хвалишъ Авторъ законъ Ефесеевъ ; по которому надлежало всякому Архитектору , берущемуся за какое нибудь спроеніе , „ назначать „ сперва , чего оно будетъ стоить , „ и отдавать въ закладъ все свое имѣніе . Четвертую часть сверхъ на значенныхъ денегъ платила общественная казна , а прочее , что превышало сюю сумму , должно было платить самому художнику . Съ жькою споры сей законъ былъ конечно хорошъ ; но за то уже не могъ быть Архитекторомъ бѣдной человѣкъ , которому бы не чего было отдать въ закладъ . — Кажется , надлежало бы сказать что нибудь о характерѣ Критянъ , которой , несмотря на мудрые ихъ законы , былъ не весьма похваленъ . — И въ Критѣ всегда уже вѣрно не было спа городовъ , о которыхъ говоришъ Анахарсисъ въ шонъ сомнѣнія . — Не при-

яенно показалось намъ то, что о величодушіи Гиппократовомъ во времѧ ужасной, Гречію опустошавшей язвы, сказано только въ нѣсколькихъ, и притомъ племныхъ словахъ. Надлежало бы также Анахарсису, сообщая нѣчто изъ его сочиненій, сказашъ яснѣе, что открылъ онъ *новаго* въ своемъ искусствѣ. — Самосъ описывается Анахарсисомъ всего проспраннѣе; а по сему случаю говорится о Пиѳагорѣ и его учени. Въ разговорѣ съ однимъ изъ его послѣдователей представляется сей Философъ съ лучшей и справедливѣйшей стороны, нежели съ какой иные представляютъ его. Но Авторъ, оспоривая общее мнѣнїе, что Пиѳагоръ утверждалъ переселеніе душъ, долженъ бы былъ представить сильнѣйшѣе доводы; доказательство, приведенное имъ на стран. 321, кажется недостаточнымъ. Давно уже решено, что Пиѳагоръ не первой предлагалъ сїе ученіе; но весьма вероятно то, что онъ заимствовалъ оное въ Египтѣ. — Описаніе Цикладовъ

довъ можетъ показаться иному не
весьма пріятнымъ; но за то всякой
будетъ читать съ удовольствиемъ
анекдоты изъ жизни разныхъ примѣ-
чанія достойныхъ людей. Всего болѣе
полюбилось намъ изображеніе Симо-
нида. — Въ разсужденіи Архилоха,
Авторъ нашъ и слишкомъ благосклоненъ
и слишкомъ спрогрѣ. По крайней мѣ-
рѣ Рецензентъ не вдругъ бы вздумалъ
утверждать, что Греки почитали
его первымъ Поэтомъ по Гомеру; для
того что Валерій Максимъ назвалъ
его великимъ, или ближайшимъ къ
высокайшему. А потеряніе щита было
хотя весьма постыдно; однако же
все не такъ безпримѣрно, какъ гово-
рилъ Авторъ. Не потерялъ ли его
и Демосѳенъ? Въ новѣйшія времена и
съ Горациемъ случилось то же, очемъ
подобно Архилоху, проговорился онъ
въ своихъ стихахъ. — Празднества
въ Делосѣ прекрасно описаны. — На-
конецъ Авторъ описываетъ Греческую
свадьбу, и заключаетъ сей томъ раз-
говоръ о щастіи, отечествѣ, друзяхъ

жъ и родственникахъ ; что все выбрано изъ Ксенофонта, Аристотеля, Платона и другихъ знаменищихъ Греческихъ Писателей,

Седьмой томъ содержитъ только 108. страниц. ; но Авторъ оставилъ для него еще весьма интересныя манеры. Онъ начинаетъ разговоромъ о важности Религии для народа, о мнѣніяхъ разныхъ Философовъ о единомъ Богѣ, о чистѣйшемъ Ему служеніи и о жизни послѣ смерти. Всѣ должности въ разсужденіи ближняго соединяются въ одномъ Исократовомъ правилѣ : *Не дѣлай ближнему того, тего себѣ не желаешь.* — По томъ говорить онъ вообще о Поэмахъ и разныхъ родахъ Греческихъ Поэмъ. Жаль только, что Авторъ такъ мало сказалъ о пѣсняхъ такого народа, у которого для каждого возраста, для каждого состоянія, для всякаго упражненія, и почти для каждого часа были особливыя пѣсни. Онъ бы многое могъ взять изъ Атенея и другихъ до Ч настъ

насъ дошедшихъ Писателей. — Говоря о морали Грековъ, говориша Авторъ о моральныхъ правилахъ нѣкоторыхъ Философовъ. — Заключеніе сопоставляетъ описаніе нещасной войны Аѳинянъ и Еивянъ съ Царемъ Филиппомъ, которую рѣшило сраженіе при Херонеѣ. Тутъ изображается юной Александръ. — Когда въ Коринѳскомъ собраціи объявили Филиппа главнымъ Полководцемъ Гречіи противъ Персовъ, тогда Анахарсисъ возврашается въ Скиою, полагая, что Греческая свобода навсегда исчезла. Конецъ сего тома сопоставляютъ весьма полезныя таблицы разныхъ эпохъ Греческой Исторіи — мужей, оплившихся въ искусствахъ и наукахъ — мѣръ, вѣсовъ и моцетъ въ сравненіи съ Римскими и Французскими. Тутъ же сообщенъ списокъ Авторовъ, которыми Сочинитель Анахарсиса пользовался, и полной реэспрѣ книги. — Прѣображенной апласъ достоинъ похвалы, и служитъ къ умноженію вѣшней красоты сего сочиненія. — (Перев.

влено, съ нѣкоторыми перемѣнами,
изъ Енскихъ Ученыхъ Вѣдомостей.)

При семъ случаѣ Издатель почтаетъ за удовольствие объявить Читателямъ, что Анахарсисъ переведился на Русской языкѣ, и припомъ такимъ человѣкомъ, котормъ, по его мнѣнію, можетъ очень хорошо перевести сю важную книгу.

*Имена Особъ, подпишавшихся на
Журналъ въ Августѣ мѣсяцѣ.*

Ея Превосходительство Софья Степановна Челищева.

Его Высокоблагородіе Борисъ Михайловичъ Салтыковъ.

Ея Сиятельство Княгиня Екатерина Андреевна Долгорукова.

Ея Высокоблагородіе Ольга Васильевна Пушкина.

Каспаръ . . . Левкинъ, Московской Купецъ.

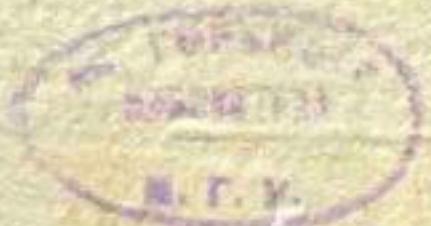
*Двумъ Особамъ не угодно было
сказать своихъ именъ.*

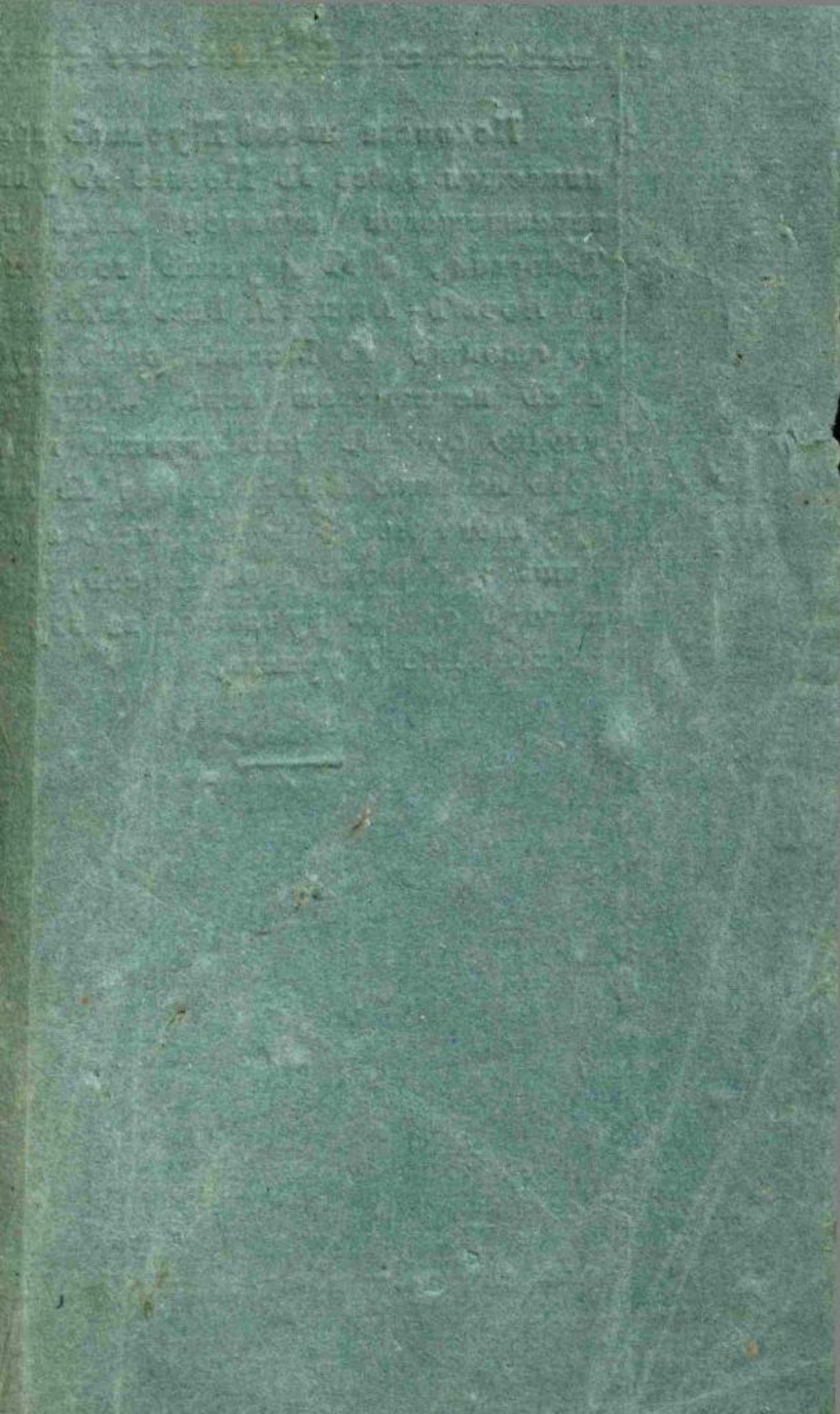
СОДЕРЖАНИЕ.

	Стран.
I. Любовь и Дружество	227.
II. Песня веселыхъ	238.
III. Мадригалы	240.
IV. Мармониевые Вечера	241.
V. Бѣдной съ собакою	277.
VI. Праздникъ спарца	283.
VII. Письма Руск. Путешественника	291.
VIII. Посвященіе куши.	323.
IX. Парижскіе Спектакли	326.
X. О иностранныхъ книгахъ	333.

ОШИБКИ ВЪ ПЕЧАТИ.

Стран.	Строк.	Напечат.	Читай.
275	1	людьми жить	людьми и жить
411	22	опъ	онъ

Подписка на сей Журналъ при-
нимается здѣсь въ Москвѣ въ Уни-
верситетской книжной лавкѣ на
Тверской, а въ другихъ городахъ
въ Почтѣ-Ампахѣ. Весь годъ она-
го стоитъ въ Москве пять руб.
а съ пересылкою семь. Кому же
угодно будемъ изъ другихъ горо-
довъ послать деньги прямо въ лав-
ку, того просимъ Издатель сооб-
щить при томъ свой адресъ, и въ
шакомъ случаѣ ручаемся за вѣрное
доставленіе Журнала.
